

Е. Данико
ПОБЕЖДЕННЫЙ
КАРАБАС

Е. Даныко

ПОБЕЖДЕННЫЙ
КАРАБАГ

Х У Д О Ж Н И К

Леонид
Владимирский

МОСКВА
« С О В Е Т С К А Я Р О С С И Я »

1989

P2
Д19

Д19 **Данько Е. Я.**
Побежденный Карабас / Худож. Л. Владимир-ский. — М.: Сов. Россия, 1989. — 128 с.: ил.

«Побежденный Карабас» Е. Данько — продолжение известной сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Вуратиньо».

Д 4803010201—338 214—89
М-105(03)89

P2

ISBN 5—268—00264—3

© Издательство «Советская Россия», 1989 г., иллюстрации.

Девочки и мальчики!

Полвека тому назад, когда ваши бабушки и дедушки были такими маленькими, как вы сейчас, на прилавках книжных магазинов появилась замечательная сказка Алексея Николаевича Толстого «Золотой ключик». Книга детям очень понравилась, и, конечно, все захотели узнать, что же было с ее героями дальше.

Известная ленинградская писательница Елена Яковлевна Данько решила порадовать детей и написала сказку «Побежденный Карабас», в которой и рассказала о новых приключениях Буратино. Книжка вышла в свет весной 1941 года. Вскоре началась Великая Отечественная война, и Е. Данько погибла при эвакуации из осажденного фашистами Ленинграда.

А книга сохранилась.

Не пострадал и Буратино. Ведь все мы знаем, что с ним никогда не справиться ни хитрой лисе Алисе, ни злому Карабасу — никому на свете!

Я нашел эту книгу Е. Данько в библиотеке и нарисовал для нее цветные картинки. Мне очень захотелось это сделать, так как я давно дружу с непоседой Буратино и уже изображал его много раз в сказке А. Толстого «Золотой ключик».

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРСКИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о том, как черный пудель покупал бутерброды

Жил-был на свете старый шарманщик. Звали его Карло. Жил он один-одинешенек, и не с кем ему было словом перемолвиться. Вот вырезал он себе из полена деревянного мальчика и назвал его своим сыночком Буратино.

Буратино бегал, прыгал и баловался, как настоящий мальчишка. Стало у шарманщика с тех пор хлопот полон рот. Но старик не жаловался: уж очень он полюбил своего сыночка.

В том же городе жил богатый-пребогатый синьор Карабас-Барабас Огромная Борода — хозяин кукольного театра. Он был злой и страшный. Он хлестал своих кукол плеткой и грозил оторвать им головы. Это было в Тарабарской стране, где богачи делают все, что им вздумается, и никто им не смеет перечить.

Бедные куклы терпеть не могли своего хозяина. И вот лучшие актеры убежали из его театра. Сначала убежала девочка Мальвина с пуделем Артемоном, а потом убежал мальчик Пьеро. Карабас погнался за ними, пустив по следу свирепых бульдогов. Но старый шарманщик Карло приютил беглецов в своей каморке. А его сынок, веселый Буратино, открыл золотым ключиком потайную дверцу и увел кукол от преследователей.

За дверцей оказался чудесный маленький театр. Куклы стали представлять в нем забавные комедии и волшебные сказки. И зажили с тех пор весело и счастливо у старого Карло.

А Карабас остался без актеров. Пришлось ему закрыть свой театр. Он злился, рвал свою длинную бороду и ревел от злости.

Об этом обо всем рассказано в книжке Алексея Николаевича Толстого «Приключения Буратино, или Золотой ключик», и все читатели думают, что на том дело и кончилось.

Я тоже думал, что ничего больше не приключилось с Карло и с его приемными детьми. Но нечаянно я узнал продолжение сказки. Вот как это было.

Я живу в Ленинграде и часто хожу в наш кукольный театр. Как-то раз, на каникулах, я забрался туда раным-ранешенько, чуть ли не за два часа до представления. Пришел — и сам не обрадовался.

В театре было пусто, темно и холодно. Окошечко в кассе было похоже на закрытый глаз. Старуха уборщица выгребала в коридоре вчерашний сор. Увидев меня, она принялась ворчать. Куда это меня принесло в такую рань? Неужто мне дома не сидится? Я ответил, что боялся опоздать на представление.

— Ну, ступай, посиди в буфете. Нечего тут слоняться, сор ногами разносить! — сказала она и стукнула метлой о железный совок.

Я пошел в буфет и уселся в уголке. Сонная буфетчица за прилавком вытирала стаканы. Против меня в стене была маленькая дверца с большой надписью: «Посторонним вход воспрещается».

Я прочел эту надпись слева направо и справа налево, и мне стало очень скучно. Когда еще начнется представление?

Вдруг дверца отворилась, и вошел черный пудель. Гордо выпрямив шею, он нес в зубах корзинку для провизии. Он подошел к прилавку и встал на задние лапы, приняхиваясь и приглядываясь к закускам, разложенным под стеклом. Потом он поднял морду и негромко пролаял:

— Гав, гав!

Я думал, буфетчица рассердится и прогонит собаку. Мне захотелось подманить пуделя к себе, и я уже нащупал в кармане печенье, оставшееся у меня от завтрака...

Но буфетчица ничуть не рассердилась. Она словно проснулась, схватила свою серебряную лопаточку и сказала:

— Я к вашим услугам!

Тогда пудель протянул стриженую лапу в мохнатой манжетке и указал на бутерброды.

— Вам с колбасой? и с ветчиной? и с салом? и с сыром? — спрашивала буфетчица, выкладывая бутерброды на круглое блюдо. А пудель радостно помахивал хвостом, облизывался и указывал ей все новые закуски.

Скоро на блюде выросла целая гора. Здесь были и бутерброды,

и пирожки, и сосиски, и рябчики, и свиные котлеты с косточкой и даже целое колечко колбасы! Пудель пошарил мордой в корзинку, вынул кошелек с деньгами и подал его буфетчице. Никогда еще не видывал такой собаки!

Тут к прилавку подошел высокий старик в бархатной куртке. Я и не заметил, откуда он взялся! Он поглядел на полное блюдо и с укором покачал головой:

— Экий ты жадный, Артемон! Настоящий обжора!

Пудель живо убрал лапы с прилавка и сделал вид, будто бы о здесь ни при чем. А старик сказал:

— Ну взял бы ты себе парочку бутербродов, рябчика, котлетку на ужин — и хватит. А куда ты денешь теперь всю эту кучу! В землю зароешь, что ли? Эх, брат, мы не в Тарабарской стране. Нам приходится еду на черный день копить!

Пудель понурил морду и виновато поджал хвост. А старик продолжал:

— И не думай, пожалуйста, что куклы помогут тебе съесть все это! Они тебя за чем послали? За фруктами? А ты чего накупил, чудака? Собачий вкус, конечно, дело почтенное, но люди любят не только то, что кушают собаки, а у кукол и вовсе особые нравы. Запомни это, мой друг!

Тут пудель уронил голову на лапы и жалобно завыл.

— Ну, ну, ладно! Возьмем всю эту снедь, если тебе хочется! — утешил его старик. — А уж я зато куплю детям самых лучших мандаринов, самых румяных яблок и самого сладкого винограда!

— Да у вас сегодня, я вижу, пир горой! — пошутила буфетчица, отпуская ему красивые, спелые плоды.

— А то как же? Ведь сегодня ровно год, как я приехал в Ленинград. Вот мы и празднуем этот день!

— Ну, поздравляю вас, папа Карло! — сказала буфетчица.

Тут я вскочил на ноги и бросился к старику. Я все понял.

— Папа Карло! Вы тот самый папа Карло, а это тот самый пудель Артемон? Это про вас написано в книжке «Приключения Буратино, или Золотой ключик»?

Старик усмехнулся и кивнул головой. Пудель взглянул на меня и слегка завилял хвостом. Я не помнил себя от радости и кричал:

— А я — читатель этой книжки! Я прочел ее пять раз с начала и пять — с конца, три раза вдоль и два — поперек! Я все про вас знаю! Скажите мне скорей, где теперь Буратино, где Мальвина и Пьеро? Живы ли они, здоровы ли и что они подделывают?

— А вот пойдемте с нами — сами увидите! — ответил Карло.

Он уложил покупки в корзинку и повел меня к маленькой дверце с большой надписью:

«Посторонним вход воспрещается!»

Пудель поплелся за нами следом.

Едва я переступил порог, как стал понимать собачий язык.

Я слышал, как пудель ворчал себе под нос:

— К чему это кормить детей мандаринами, яблоками и виноградом? И кисло, и сладко, и оскомина на зубах! Тьфу, подумать противно! То ли дело свиная котлета с косточкой!

— Цыц! — сказал Карло. — У всякого свой вкус!

И пудель замолчал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

о том, как читатель превратился в писателя

Сначала мы шли темным коридором, потом спустились по ступенькам, потом опять стали подниматься по узкой лесенке, держась за шаткие перила. Сверху шел слабый свет, и было слышно, как звенит какой-то бубенчик.

Потом стало светлее, и звон раздался у нас над самой головой. Я взглянул вверх и увидел, что над нами, на площадке лестницы, горит яркая лампочка. А под лампочкой стоит смешной деревянный мальчик с торчащим носом и сбивает что-то ложкой в серебряном стаканчике. Так вот откуда шел звон!

Мальчик увидел нас и вскрикнул от радости. Он вскочил верхом на перила и вмиг съехал вниз — прямо в руки старику. Он сидел на руках у Карло, болтая тонкими ножками, вертел носом во все стороны и пищал:

— Папа Карло, попробуй моего гоголь-моголя! Это не простой гоголь-моголь, а из розовых лепестков. Я его для тебя сбивал!

Он совал старику в рот полную ложку розовой пены, и его тень с торчащим носом смешно плясала на стене. Карло утер губы и отвел ложку, но мальчик не унимался:

— Помнишь, как ты накормил меня своей последней луковкой, а сам лег спать голодный? Ну покушай теперь моего гоголь-моголя, покушай, пожалуйста!

— Не балуйся, сынок! Веди себя хорошо. Видишь, я читателя с собой привел! — сказал Карло.

— Читателя? — Мальчик повел на меня лукавым глазом и вдруг вырвался из рук Карло. Он вскочил на спину пуделю и поехал впереди нас, выбивая ложкой веселый марш по стаканчику и крича:

— Дорогу нашему читателю! Урра!

Я догадался, что это сам знаменитый Буратино, и обрадовался, что он ничуть не заважничал от громкой славы.

Мы вошли на площадку, и Карло распахнул дверь. Я взглянул и ахнул — куда это мы пришли?!

Прямо передо мной была зеленая поляна, а на ней красивый беленький домик. Перед ним цвели алые розы. Золотистые бабочки кружились в солнечных лучах. Маленький фонтан выбрасывал

вверх водяные струи, и каждая капелька сверкала на солнце, как алмаз.

«Это, верно, домик Мальвины!» — подумал я.

А за домиком чернел дремучий лес. Там светила луна и блестело голубое озеро. Бледные лягушки сплетали венки из водяных лилий и задумчиво плясали при лунном свете.

Это было так красиво, что я ничуть не удивился, почему это солнце и луна светят в одно время. Мне захотелось подойти поближе, и я шагнул вперед.

— Не промочите ножки! — запищал Буратино.

Я взглянул под ноги и увидел большую светлую реку. Ветерок чуть рябил воду. Сквозь эту рябь глубоко на дне виднелись узорные водоросли. Голубые рыбки медленно проплывали мимо них. Я оглянулся: нет ли где-нибудь мостика? Но мостика не было.

— Дайте нам лодочку, дайте челнок,
мы переедем на тот бережок! —

жалобно запел Буратино.

— Не слушайте его, он вас дурачит! — с досадой сказал Карло. — Как тебе не стыдно, сынок?

Он отпихнул ногой светлую реку, отодвинул в сторону зеленую поляну с домиком и повернул боком дремучий лес. Буратино свистнул и проскакал на пуделе в открывшийся проход.

Тут я понял, что эти прекрасные картинки были нарисованы на полотне и служили декорациями в театре! От этого они показались мне еще прекраснее. Я не мог наглядеться на них. Но Карло окликнул меня, и мы пошли дальше.

В просторной кухне ярко горел огонь. Старый заяц был здесь поваром, а зайчата поварятами. Ну и хлопотали же они вокруг сковородок и кастрюль! Здесь пеклись, жарились удивительные кушанья — расстегаи из лепестков георгина, ананасные котлеты, оладьи из одуванчиков. Разве могли сравниться с этим скучные буфетные закуски?

Молоденькие обезьянки под присмотром почтенной совы накрывали длинный праздничный стол. Они живо схватили фрукты, которые принес Карло, разложили мандарины, яблоки и виноград на фарфоровые тарелочки — и на столе словно засияло солнце!

Поодаль у стены стояла маленькая стремянка. На ней, как птица

на ветке, сидел мальчик в белом балахончике. Он макал длинную кисть в ведерко с малиновой краской и писал на стене большими буквами:

ПРИВЕТ ПАПЕ КАРЛО!

— Эй, Пьеро, кончай работу, встречай гостя! К нам читатель пришел! — сказал Карло.

Мальчик посмотрел на меня большими синими глазами и радостно улыбнулся.

— Вы читатель? Я покажу вам мои новые стихи. Ладно?

Тут он смутился и выронил кисть из рук. Падая, кисть опрокинула ведерко. Малиновая краска хлынула на голову проходившей мимо сове. Старушка захлопала крыльями и застонала с перепуга. Пьеро скатился с лесенки кубарем. Он бросился утешать бедную птицу и вытирал ей голову своим рукавом.

— Дай ей валерьянки, Пьеро! Видишь, какая она нервная! — сказал ласковый голос.

Я оглянулся и увидел хорошенькую куклу с голубыми волосами.

Она стряпала торт из чайных роз и раскатывала тесто хрустальной скалочкой. Я догадался, что это Мальвина.

Пока Пьеро приводил в чувство расстроенную сову, а Мальвина глядела на них обоих, Буратино подкрался и стащил со стола самую пышную розу. Девочка вскрикнула и погналась за ним. Но он увернулся.

— Оставь, Мальвина, это для читателя!

Он протянул мне розу и сказал:

— Напишите про нас, пожалуйста, новую сказку!

Что тут началось!

— Напишите сказку! — завизжали обезьянки и покатались кубарем вокруг меня.

— Сказку! — завопили зайчата, забренчали кастрюльками, зазвенели ложками. Сова хохотала, лягушки квакали, Артемон лаял и кидался на всех.

— В самом деле, напишите сказку про наши новые приключения! — сказала Мальвина.

Тут все притихли и столпились вокруг, поджидая, что я скажу.

— Но я никогда не пробовал писать... Ведь читатели только читают книжки, а сами не пишут...

— Все сначала читают, а потом уже пишут! — сказал Буратино.

— Да я бы рад! — прошептал я.

— Ну вот и хорошо! — сказала Мальвина. — Папа Карло вам все расскажет. Вы только записывайте, что он будет говорить! Вот и выйдет сказка! Правда, папа Карло?

Карло подумал, почесал себе подбородок и сказал:

— Пожалуй, если наш читатель согласен...

— Согласен! Согласен! — закричали все и захлопали в ладоши.

— ...так мы попробуем сделать из него писателя, — закончил Карло.

Тут меня усадили в кресло. Пьеро принес мне чистую тетрадку, а Мальвина — вечное золотое перышко. Карло закурил трубку. Буратино влез к нему на колени. Артемон улегся у его ног, обсасывая косточку. Остальные уселись вокруг и принялись за яблоки, виноград и мандарины.

Карло стал рассказывать, а я записывать. А что я записал, об этом читай дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

о том, как папа Карло заболел и куклы искали доктора

Куклам жилось весело и счастливо у старого шарманщика. Они представляли волшебные сказки в чудесном театрике Буратино.

Все ребятишки в Тарабарской стране знали и любили эти представления.

Бывало, чуть Карло выходил на площадь, уже бежали со всех сторон босоногие, оборванные, чумазы малыши и кричали:

— Сказку! Покажи сказку, папа Карло!

Карло ставил свои ширмы, выпускал кукол, и тут начиналось веселье!

Ребятишки смеялись, кричали, хлопали в ладоши.

А богатенькие дети, заслышав шарманку, вывешивались из окон

дворцов, вываливались из золоченых карет, царапали и кусали своих нянек за то, что те не пускали их к папе Карло!

Каждый, кто хоть одним глазком взглянул на кукольное представление, потом долго веселился. Подумает о Мальвине — улыбнется, подумает о Пьеро — рассмеется, вспомнит Буратино — расхохочется!

А в Тарабарской стране был такой закон: богачи должны быть важными, бедняки — грустными, а смеяться никому не позволено!

И вот однажды, когда Карло сидел дома со своими куклами и клеил им игрушки, дверь растворилась. Вошел толстый, жирный судья в большой шляпе с перьями. На шее у него висела золотая цепь. В руках была палка с хрустальным шаром на верхушке. Он был такой важный, что сразу было видно — он никогда в жизни не смеялся!

Он вынул грамоту с королевской печатью и громко прочел ее.

А в этой грамоте было написано, что король запрещает папе Карло показывать представления. А если он не послушается, ему отрубят голову!

— Довольно смеха!

Тут судья трижды стукнул жезлом о пол и выплыл в дверь, важный и нахохленный, как попугай.

Папа Карло смотрел ему вслед и молчал. Он даже не улыбнулся, когда Буратино стал передразнивать судью: схватил кисточку от клея, стукнул три раза об пол и пропищал: «Довольно смеха!»

Он только провел рукой по лбу, лег на свою колченогую кровать и повернулся лицом к стене.

С той поры Карло заболел.

Он больше не вставал с постели. Он худел, слабел и горел в сильном жару. И вот однажды ему стало так плохо, что Мальвина и Пьеро побежали за доктором.

Была темная, ненастная ночь.

Дождь барабанил по крышам.

Дул мокрый, холодный, злой ветер.

Мальвина и Пьеро бежали по улице. Они хотели позвать к папе Карло знаменитого доктора Помпилиуса. Этот доктор был очень важный. Он разъезжал по городу в великолепной коляске, и жирный мопс всегда сидел с ним рядом на бархатных подушках. Про него шла слава, что он может вылечить любую, даже самую опасную болезнь.

И вот, когда куклы прибежали к дому, где жил доктор, дверь оказалась запертой. Дверная ручка скорчила им страшную рожу и прошипела:

— Ступайте домой! Доктор уже спит!

— А мы его разбудим! — сказали куклы. — Ведь у нас папа Карло заболел!

И они храбро полезли по скользкой водосточной трубе к окошку, где еще виднелся свет.

Доктор Помпилиус уже надел ночной колпак и собирался лечь спать. Вдруг кто-то постучал в окно.

— Кто там? — заорал доктор, хватая со стены ружье.

— Откройте, пожалуйста! — ответил тонкий голосок.

Доктор подкрался к окну и с опаской отодвинул раму.

Ветер и дождь хлестнули ему в лицо. За окном была непроглядная темень.

Вдруг из темноты вышли две куклы — мальчик и девочка и дрожа остановились на подоконнике.

— Это что за глупые шутки? Ступайте домой! — рассердился доктор.

Куклы горько заплакали.

— У нас папа Карло заболел. Мы боимся, что он умрет! Пойдемте к нему, господин доктор! Пропишите ему хорошее лекарство! — просили они и протягивали к доктору свои деревянные ручки.

Доктор надел очки и строго посмотрел на незваных гостей.

Платье на них было старенькое и мокрое, хоть выжми. С рваных башмаков стекали грязные лужицы. Доктор нахмурился.

— А есть ли у вашего папы денежки? Чем он мне заплатит за лечение?

Куклы повесили головы.

— У него нет денег... Он лежит больной и не может работать.

— Га-га-га! — заорал доктор. — Как же вы смели стучаться в мое окно? Как смели пачкать мой чистый подоконник? Пошли прочь, нищие, бродяги, пошли прочь!

Он сорвал свой ночной колпак, затопал ногами, швырнул одной туфлей в Мальвину, другой — в Пьеро, а сам раздулся, как шар, подпрыгнул под потолок, стукнулся и снова подпрыгнул... Тут все затрещало, загремело, загромыхало в докторском кабинете. Посыпались зеленые искры, завертелись черные круги, поползли огненные змеи...

А доктор подпрыгивал и кричал:

— Пошли прочь! Га-га-га! Пошли прочь! Я великий, я знаменитый, я несравненный доктор Помпилиус! Я никого не лечу даром!

Заткнув уши и зажмурив глаза, куклы бросились на улицу. Доктор страшно захохотал им вслед и с треском захлопнул окно.

Куклы снова очутились на мостовой. Они взялись за руки и пошли прочь, борясь с ветром и попадая в лужи. И вот при тусклом свете фонаря они увидели на углу золоченую вывеску: «Здесь живет добрый доктор Люмнилиус».

Дверь была отворена, и они вошли в дом.

Доктор Люмнилиус еще не ложился спать. Он сидел в кресле у камина, прихлебывал теплое молоко и читал толстую книгу с серебряными застешками. В этой книге было написано, что люди должны стать добрыми и любить друг друга, как братья. Тогда на земле не будет ни горя, ни нужды.

— Ах вы, бедные птенчики! — воскликнул доктор, увидев Мальвину и Пьеро. А когда он узнал, что Карло лежит больной, в нужде и в горе, он даже заплакал от жалости.

— Я добрый человек, деточки! — сказал он, обливаясь слезами. —

Я не хочу зла вашему папе. Поэтому не просите меня, чтоб я его вылечил. Нет, нет! Ведь жизнь бедняка — сплошное мученье. Пускай он лучше умрет. И ему будет спокойнее, и на земле станет меньше горя и нужды!

Слезы катились, как горох, по лицу доктора, и вдруг эти слезы стали крупные, как сливы! Нос разбух и повис на сторону. Руки поползли, как жидкое тесто, по ручкам кресла. Ноги растеклись по ковру. Добрый доктор растаял и превратился в кисель.

Он капал жирными каплями на раскрытую книгу и пришепывал:

— Жаль мне вас, милые крошки! Ох, как жаль...

Куклам стало страшно. Они бросились вон из дому. А доктор сначала захихикал, потом засмеялся, потом захохотал и стал сгущаться. Руки и ноги у него затвердели, нос встал на место, и вот доктор уже сидел по-прежнему в кресле и читал свою толстую книгу!

Но куклы этого не видели. Они ковыляли усталыми ножками по темной мостовой, вглядываясь в дверные вывески. Дождь слепил им глаза. Они искали другого доктора.

Ведь папа Карло лежал больной, и ему нужно было помочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о том, что посоветовали Карло лесные доктора

Карло лежал в своей каморке, укрытый старым одеялом. Буратино и Артемон сидели возле него. В доме не было ни корочки хлеба, ни полешка дров. Последний огарок тускло мигал на столе. Тени в углах росли, густели, лезли на потолок. Казалось — погаснет огонек, нахлынет темнота, и умрет Карло... Вот какое печальное было время!

Буратино вытирал полотенцем горячий лоб больного. А пудель положил морду на край постели и, грустно помаргивая, глядел на хозяина добрыми черными глазами.

Они ждали доктора, но доктор не приходил.

Наконец вернулась Мальвина, мокрая, озябшая. Ни один доктор в городе не согласился лечить Карло. Пьеро побежал в лес, — может быть, там найдется доктор?

— А если не найдется, — сказала Мальвина, стягивая с себя мокрые чулки, — так я всю Тарабарскую страну обойду и весь земной шар обыщу, а уж найду доктора для папы Карло.

— Спасибо, девочка! — прошептал Карло и погладил ее по голубым волосам.

И все вчетвером стали опять ждать доктора.

Занялось утро. Под окном чирикнула птица. Над соседней крышей просиял кусочек оранжевого неба. И вот кто-то быстро и весело пробежал по лестнице. Это был Пьеро.

— Папа Карло, я привел докторов! — крикнул он. — Вот они!

А в дверь уже входили лесные доктора — профессор Сова, фельдшерница Жаба и народный знахарь Жук-Богомол. В каморке сразу запахло сосновой хвоей, болотом и свежими лесными травами. Карло улыбнулся, Мальвина сделала книксен, а Буратино стал на голову и задрыгал ногами от радости!

Сова выступила вперед и сказала:

— Папа Карло! Мы простые лесные звери, неученые и неверченые, как другие доктора! Но мы вас любим и будем лечить бесплатно!

— Прекрасно придумано! — вскричали куклы.

Доктора пожелали осмотреть больного. Сова долго слушала его сердце, задумчиво хлопая круглыми желтыми глазами. Жаба осторожно пощупала его живот мягкой и влажной лапой. А Жук-Богомол слегка постучал его по коленке своей сухонькой ручкой, похожей на увядший стебелек. Потом они долго качали головами.

Множество больных вылечили они на своем веку, но такой странной болезни еще не видывали. Случалось им перевязывать птенчику сломанное крыло, вправлять белке вывихнутую лапку, выдергивать ежу больной зуб, лечить кошек от головной боли, а лягушек от сердечных припадков. Но болезнь папы Карло была совсем особенная. У него ничего не болело, и все же он был тяжело болен.

Наконец Сова вынула из кармана клетчатый платок, протерла очки, откашлялась и сказала:

— Болезнь очень опасная! Вам, папа Карло, не хватает счастья! Постарайтесь его раздобыть!

— Ах, счастье — лучшее лекарство! — вздохнула Жаба. А Жук-Богомол обдернул свой серый сюртук, надел шляпу и сказал:

— Принимайте счастье в порошке или в пилюлях. Это вас спасет!

Они поклонились и ушли.

— Да где же его взять, счастье-то? — спохватился Карло. Но доктора не ответили. Они спешили в лес. Там у большого дупла их ждали больные звери с простыми лесными болезнями. Еж-аптекарь уже выдавал лекарства — целебные травки, чистую сосновую смолу и утреннюю росу в желудевых чашечках. Докторам было некогда рассуждать с папой Карло о человеческом счастье. Да вряд ли они и знали, где оно водится.

И вот куклы стали придумывать, где бы им достать счастье для больного Карло.

— Я придумал! — сказал Пьеро. — Я сбегая в аптеку, попрошу счастья в долг — хоть на копеечку. Может быть, дадут?

— Ты дурак! — ответила Мальвина.

Пьеро обиделся и замолчал.

А Буратино влез на коробочку, приосанился и сказал:

— Слушайте, куклы! Дома сидеть — счастья не видать. Давайте пойдем по свету. Станем спрашивать встречных и поперечных, заглянем во все норы и закоулки. Может быть, и найдем счастье для папы Карло!

— Пойдем! — сказала Мальвина и тряхнула головой.

— Пойдем! — повторил Пьеро, утирая слезы.

А пудель заскулил и стал рваться в дверь. Он тоже хотел искать счастья для папы Карло.

— Ступайте, детки, прогуляйтесь по воздуху! — сказал Карло. — Только не огорчайтесь, если не найдете счастья. Счастье, говорят, на земле не валяется и в аптеке не продается. Горя у нас хоть отбавляй, а про счастье давненько не слыхано!

— А мы все-таки его найдем! — сказали куклы. Они поцеловали папу Карло, надели свои колпачки, кликнули собаку и вышли из дому.

Нелегкое это было дело — найти счастье в Тарабарской стране. Поля заросли там бурьяном, а улицы — мусором. В разрушенных домах прятались голодные, оборванные дети. А если они выползали на свет, вороны принимали их за огородные пугала. И, глухо каркая, садились им на головы.

Но куклы не унывали. Светило солнышко, просыхали вчерашние лужи. Смешно чирикали воробьи. Весело болтая, куклы вышли на перекресток.

— Я пойду в лес! — сказал Буратино и повернул направо.
— А я — в поле, — сказал Пьеро и побежал налево.
— А я — в город, — сказала Мальвина и пошла прямо по дороге.
Артемон побежал за ней.
Каждый из них надеялся найти счастье.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О том, как мальчишки искали счастья

В это самое время к дому, где жил Карло, подошел Карабас. Шляпа на нем блестела, сапоги поскрипывали, сизая борода развевалась по ветру, как флаг. Он опять стал важный и гордый.

Он просил короля, чтобы ему позволили снова открыть кукольный театр на Королевской площади. Он пообещал, что будет показывать только скучные представления, такие скучные, что ни одна душа не рассмеется!

Король позволил. Карабас раздулся от важности, как индюк. Он уже воображал себя директором чудесного кукольного театра!

С усмешкой поглядел Карабас вслед уходящим куклам. Потом он протопал наверх, в каморку шарманщика, и гаркнул:

— Эй, Карло, ты жив или помер? Отвечай!

Тут он захохотал так громко, что стены затряслись. Карло вздрогнул и открыл глаза.

— Жив! — заорал Карабас. — Если жив, давай потолкуем!

Он шагнул в каморку, уселся верхом на опрокинутый ящик и расправил пятерней свою огромную бороду. Нос у него был красный, как сургуч, а глаза черные, маленькие и злые. Карло глядел на него со страхом.

— Слушай ты, нищий шарманщик! — сказал Карабас. — Хочешь, я дам тебе денег и пришлю к тебе самого лучшего тарабарского доктора? Он тебя живо вылечит. Согласен?

Карло даже ушам не поверил. Он подумал, что господин Карабас шутит.

— Да вовсе я не шучу! — огрызнулся Карабас. — Я сделаю все, как сказал. А уж ты отдай мне за это твой кукольный театр и всех маленьких актеров. Ну, по рукам, что ли? А?

У Карло сердце упало. Так вот что придумал Карабас!

— Нет,— сказал он,— я не отдам тебе моих маленьких актеров. Ты их будешь бить!

Карабас захохотал, разинув пасть.

— Эка невидаль — бить! Актерам это полезно, они от битья умнеют! Все это пустяки. Поговорим о деле. Ведь если ты умрешь, пропадет твой театр и куклы погибнут с голоду! Лучше отдай их мне подобиру-поздорову, а сам лечись и поправляйся на мои денежки! Да что тут долго разговаривать! Я принесу тебе деньги — и дело с концом!

— Нет,— сказал Карло,— не нужно мне твоих денег! Я их не возьму!

Но Карабас уже не слушал. Он вышел, хлопнув дверью, и быстро зашагал по дороге. Он шел и мечтал о том, как он будет загребать денежки, показывая кукол богатеньким детям. Пускай они платят по червонцу за билет!

— А уж куклам я не позволю баловаться! На то есть у меня плетка-семихвостка! Вот так!

Он вынул из кармана свою любимую плетку-семихвостку и стал размахивать ею по воздуху, примериваясь, кого бы ему отхлестать. Вдруг в стороне от дороги, за канавой, он увидел белый балахончик Пьеро и прямо шагнул к мальчику.

Пьеро не видел Карабаса. Он глядел себе под ноги, разыскивая траву клевер. Кто-то сказал ему, что если найти трилистник клевера, не простой, а с четырьмя листочками, это и значит «найти счастье».

Пьеро брел вдоль канавы, обходил черепки и разный мусор, пробирался между лопухами и одуванчиками, ища клевер. Вдруг на краю канавы, над старой подошвой, он увидел темно-зеленый кустик клевера. Посредине кустика на тонкой ножке покачивался трилистник с четырьмя листочками! Пьеро бросился к нему и сорвал «счастье».

В ту же минуту он упал, оглушенный страшным ударом. Карабас стоял над ним с плеткой в руке и кричал:

— Ступай домой, бездельник! Будет тебе шляться по канавам, ступай домой!

Пьеро покраснел от боли и обиды, крепко зажал в кулаке свое счастье и молча глядел на Карабаса.

— Что глядишь? Или не признал хозяина? погоди, скоро при-

знаешь! Га-га-га! — заорал Карабас и снова замахнулся плеткой.

Тут Пьеро вскочил на ноги и пустился наутек. Он мчался, как заяц, как ветер, как молния, и вмиг скрылся из глаз. Карабас ухмыльнулся и, помахивая плеткой, свернул в лес. Он хотел разыскать Буратино.

Проходя мимо старых лип, он услышал громкий щебет и поднял голову.

Возле старой скворечни верхом на ветке сидел Буратино и беседовал со скворцами. Маленькие скворчата прыгали по шершавому стволу.

Карабас прислушался.

— И вот мы пошли искать счастья для папы Карло! — сказал Буратино. — Я увидел ваш домик и подумал: нет ли у вас счастья?

— Лучше не спрашивай! — хмуро ответил скворец. — Счастье здесь не водится. Самим есть нечего и детей кормить нечем.

— А еще Карабас грозит, что разорит наш домик! — заплакала скворчиха.

— И разорю! Дайте срок, разорю! Надоели вы мне, глупые птицы! — заорал Карабас. — А с тобой, друг любезный, я еще не так расправлюсь!

Он подпрыгнул, схватил Буратино за ногу и швырнул его на дорогу.

— Пошел домой! Нечего тебе лазать по деревьям!

— Захочу и буду лазать. Чего ты раскричался, Карабас? Ты мне не хозяин! — ответил Буратино.

— Вот я тебе покажу хозяина! Пошел домой! — заревел Карабас и хлестнул его плеткой.

Больно было мальчику, но он даже не вскрикнул. Он встал, поправил на голове колпачок и спокойно зашагал по дороге, стараясь не хромать на ушибленную ногу. Ведь Буратино был молодцом, когда хотел!

Карабас еще погрозил скворцам и пошел своей дорогой. Он думал: «Вот встречу Мальвину и ее прогоню домой. А потом возьму мешок, нагряну к шарманщику и захвачу всех птенчиков разом! Всех актеров! Они у меня не уйдут. Нет, шалишь, не уйдут!»

Карабас глядел по сторонам — не мелькнет ли где-нибудь розовое платьице Мальвины? Он раздвигал кусты, осматривал все закоулки, канавы и подворотни. Пришел в город — стал заглядывать

в окна домишек. Воробьи разлетались от него врассыпную, собаки удирали, поджав хвосты, редкие прохожие шарахались в стороны.

А Мальвины нигде не было.

— Ладно, она от меня не уйдет! — ворчал Карабас и, помахивая плеткой, брел дальше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

о том, куда девалась Мальвина

Пьеро вбежал в каморку шарманщика и крикнул:
— Папа Карло! Ведь ты не отдал нас Карабасу?
Он запыхался. От слез и пыли щеки у него стали совсем грязные. Разорванный воротник висел вдоль спины, как тряпка. Он стоял на полу, сложив ручки, и спрашивал:

— Скажи, не отдал?

— Не отдал и никогда не отдам! — улыбнулся Карло.

Тогда Пьеро вскарабкался на постель и уселся на одеяле, свесив ножки. Он разжал кулак и показал Карло смятый, теплый от ладони трилистник с четырьмя листочками.

— Смотри, что я нашел! Счастье!

— Да какое же это счастье, дурачок? — рассмеялся Карло. — Это просто клевер!

— А ведь он с четырьмя листочками?

— И с четырьмя — просто клевер!

Тут глаза Пьеро опять набухли слезами. Ведь он так радовался, что нашел счастье, так боялся, что Карабас его отнимет! А оказалось — это просто клевер!

— Не горюй, сынок! Давай сюда твою травку!

Карло вдернул трилистник в петличку своей старой куртки, расправил листочки и сказал:

— А за твою заботу спасибо!

Пьеро сразу повеселел. Он забыл про Карабаса. Он принялся рассказывать Карло, как хорошо ему было на солнышке у канавы. Там цветут желтые одуванчики, блестит осколок стекла, серый кузнечик стрекочет в траве. Там растут трилистники на тонких стебельках и тихо качаются от ветра. Когда папа Карло выздоровеет, они пойдут гулять на канаву. Правда?

Карло слушал его и улыбался.

Вдруг за дверью послышался такой шум и гром, что все мухи в каморке перепугались и роем ринулись в окошко. Это Буратино скакал на одной ноге по лестнице и распевал во все горло:

Счастье, счастье, счастье, помоги,
Я остался без ноги!

— Не бойтесь, это я нарочно! — крикнул он, распахнув дверь. — Нога у меня цела, только немножко вывихнута! Пошел я за счастьем, а нашел одни колотушки. Да это горе не беда! Счастье от нас не уйдет!

Он тоже вскарабкался на постель. Карло осмотрел и осторожно вправил его вывихнутую ножку.

Тут мальчики принялись дурачиться. Они рассказывали наперебой свои приключения, передразнивали Карабаса, хохотали и подняли такую возню, что из старого одеяла пыль пошла столбом.

Вдруг Карло спохватился:

— Мальчики, а где же Мальвина? Почему она не возвращается?

Мальчики слезли с постели и выглянули в окно, не идет ли Мальвина? Но Мальвины не было видно.

— С ней Артемон пошел, он ее в обиду не даст! — сказал Буратино.

— Он как вцепится зубами в штанину или в рукав да как начнет трепать! Карабас и тот испугается! — сказал Пьеро.

Они опять попробовали шутить, но Карло больше не смеялся. Приподняв голову, он прислушивался — не простучат ли по лестнице легкие деревянные ножки? Но все было тихо. Мальвина не возвращалась.

Мальчики замолчали. Страшно им было думать: а вдруг Карабас утащил Мальвину? Кто теперь вызволит ее из беды? Ведь папа Карло болен.

Стало смеркаться, а Мальвины все не было.

— Я пойду ее искать! — сказал Буратино и надел колпачок. Вдруг дверь растворилась.

Пудель вбежал в каморку, рухнул на пол у постели Карло и завыл... Шерсть на нем стояла дыбом, зубы стучали. Он весь дрожал.

— Где Мальвина? — крикнул Карло.

— Уехала...— пролаял Артемон сквозь слезы.

— Куда уехала? Зачем?

Но пудель уткнулся мордой в руку хозяина и жалобно засопел. Мальчики ласково оттащили его за уши.

— Ну расскажи, Артемон! Расскажи, не плачь!

Пудель проглотил слезы и стал рассказывать, как было дело. Вот что он рассказал.

Они с Мальвиной долго бродили по городу — искали счастья.

— Счастье — в керосиновой лавке! — сказал им старый уличный фонарь. — Когда в меня наливали керосин и зажигали фитиль, я был счастлив. Потому что высшее счастье — ярко светить. Увы, это было и прошло!

Он пошатнулся на ветхом столбе и заплакал ржавыми слезами. Его давно уже никто не зажигал.

— Пойдем в керосиновую лавку! — сказал Артемон и дернул Мальвину за юбочку.

— Не ходите! — прохрипели старые уличные часы. — Счастье вовсе не там. Оно — в часовом магазине. Это такая пружинка. Ее

вставляют в часы и заводят их. Часы идут и показывают время. Это и есть счастье — идти в ногу со временем! А наша пружинка давно лопнула!

Тут часы закрипели, качнулись и отломились от железного прута, на котором висели. С хрипом и стоном они упали в уличный мусор.

Старая собака, дремавшая на крыльце, подняла голову и протявкала беззубым ртом:

— Все это не так! Все это не так! В часовом магазине тоже нет счастья. Спросите моего хозяина. Он сам часовой мастер. Он умеет делать часы и разные удивительные приборы. Но кому это нужно в Тарабарской стране? Никому. Хозяин лежит больной. Я сторожу его дверь. А если он умрет, я тоже подохну.

Собака уронила голову на лапы. Мальвина и Артемон молча

постояли перед ней, а потом побрели куда глаза глядят. Видно, не найдешь счастья в Тарабарской стране!

Шли они, шли и к вечеру вышли на морской берег. У пристани стоял пароход с красным флагом на мачте. Чайки, сверкая крыльями, носились над водой.

Путники присели отдохнуть в траве над самым берегом. Мальвина сняла туфельки и вытряхнула из них песок. Артемон глядел на чаек и щелкал зубами. Как ему хотелось погоняться за ними по берегу, полаять во всю глотку! Но он не смел оставить Мальвину одну.

Солнце садилось за гору. На берегу было тихо. Вдруг вдалеке из-за прибрежной скалы показались дети — много детей. Они шли друг за дружкой с узелками в руках. Странно было на них смотреть! Ведь ребятишки в Тарабарской стране или прятались в развалинах, или бродили одичалые по пустырям без толку, без цели! А эти шли деловитым шагом, и у каждого на шее был яркий красный галстук.

— Куда они идут? — спросила Мальвина.

— Должно быть, на пароход! — ответил пудель. — Я слышал, что если детям живется плохо в какой-нибудь стране, за ними приходит пароход с красным флагом! И увозит их в далекий, счастливый край!

— Что же ты молчал об этом до сих пор?

Дети уже шагали мимо них.

Вдруг одна маленькая девочка остановилась, и другие остановились тоже. Она затопала ножками и сказала, что не пойдет на пароход. Она хочет домой. И она заплакала:

— Где наш милый маленький домик?

Другие дети молча прошли вперед. Было видно, что им тоже хочется плакать. А мальчик постарше взял маленькую девочку на руки и сказал:

— Нет твоего домика, Анита! Он разрушен. А ты не плачь. Ведь мы едем в счастливую страну! Там много хороших домиков!

Тут Мальвина высунулась из травы. Мальчик ее заметил.

— Смотри, Анита, смотри, какая красивая куколка! Кто ее тут бросил? Хочешь, возьмем ее с нами в Ленинград?

Он спустил девочку с рук и шагнул к Мальвине. Артемон ошестинился и заворчал: «Не смей трогать куклу!» Но Мальвина дернула пуделя за ухо.

— Не мешай, Артемон! Я поеду с ними. Отойди подальше в кусты!

Пудель послушался. Мальчик взял Мальвину и поставил ее на дорожку перед девочкой.

Тут Мальвина протянула ручки вперед и запела песенку, которую только что сочинила:

Тяжело и грустно мне:
Счастья нет в моей стране.
Но за счастьем в край чужой
Поплывет кораблик мой!

Девочка засмеялась, захопала в ладоши и схватила Мальвину. Мальчик взял Аниту за руку, и они побежали к пристани. Артемон мчался за ними, но не смел лаять. Из-за плеча девочки Мальвина глядела на него строго, будто говорила: не мешай!

Вот пристань, вот сходни. Пахнет смолой и дымом. Пароход пыхтит. У сходней стоят два матроса, пропускают пассажиров. Дети в красных галстуках уже высыпали на палубу и кричат отставшим:

— Скорей!

— Поторапливайтесь! — кричат матросы.

Мальчик и девочка с куклой пробежали по сходням. Артемон ринулся было за ними следом, но один матрос схватил его за ошейник.

— Ты куда?

А другой крикнул:

— Это ваша собака, ребята?

— Нет! — ответили с палубы. — Не наша!

Тогда первый матрос оттащил пуделя в сторону, а другой стал убирать сходни.

Артемон лаял, скакал, рвался на пароход. Но матрос держал его крепко. Пароход дал гудок и отвалил. Между ним и пристанью появилась полоса зеленоватой воды, и с каждым мигом эта полоса расширялась.

Матрос выпустил пуделя. Артемон подбежал к краю пристани. Он весь дрожал. Кудряшки прыгали у него над глазами, хвост ходил ходуном. Он глядел на палубу. Там стояла девочка с куклой в руках.

Если бы Мальвина подала ему знак, он прыгнул бы в воду и поплыл бы вдогонку за пароходом!

Но Мальвина только кивнула ему головкой: прощай, Артемон! Пароход удалялся. Розовое платьице Мальвины уже казалось еле заметным пятнышком. Вот и его не стало видно. Артемон взвизгнул и опрометью помчался домой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

о том, что рассказала ласточка

Артемон поднял морду и снова завыл:
— Мальвина уехала...
Пьеро обнял его кудлатую голову и тоже заревел.

— Фу, плаксы! — сказал Буратино. — Подумаешь, горе, что уехала! Жаль, что нас с собой не взяла! Правда, папа Карло?

Карло покачал головой и вздохнул.

— Очень меня беспокоит это путешествие. Что станется с Мальвиной в чужом краю? Взяли ее с собой чужие дети, а кто знает, какие они? Может быть, поиграют с куклой часок-другой, а потом оторвут ей голову и бросят где-нибудь по дороге? Нет уж, лучше бы она не уезжала! Пусть бы сидела здесь в уголочке и расчесывала свои голубые волосы!

Все невольно взглянули в уголок, где, бывало, сидела Мальвина. Там на стенке блестел кусочек зеркала, на маленьком столике лежали гребешок, зубная щетка и розовое мыльце. На полу валялась смятая розовая ленточка. А самой Мальвины не было. Неужели она никогда не вернется в свой уголок?

— Я больше не буду ее дразнить! — сказал Буратино. — Только бы она вернулась!

Слеза покатилась по его длинному носу и повисла капелькой на кончике. Карло тяжело вздохнул.

Вдруг за окошком послышался шорох, и тонкий голос сказал:

— Чи-вить! Здесь живет папа Карло? Чи-вить!

Все оглянулись. На подоконнике сидела маленькая сине-черная ласточка с белой грудкой. Она вертела головкой и поглядывала вокруг блестящими глазками. За окном в вечернем небе уже зажигались звезды.

— Чи-вить! — повторила ласточка. — Я принесла папе Карло привет. Сердечный привет от хорошенькой куколки.

— От Мальвины? — закричали все в один голос.

— Не знаю, — сказала ласточка. — Может быть, ее зовут Мальвиной. Я не спросила. Нам было некогда разговаривать. На ней розовое платьице, и она очень воспитанная.

— Это Мальвина! — воскликнул папа Карло. — Где вы ее встретили?

— Я провожала пароход в море. Я сидела на якорном канате. На палубе было тихо. Дети ужинали внизу. И вдруг ко мне подошла эта куколка и спросила: «Вы едете с нами или только провожаете нас?» Я ответила: «Провожая!»

— Так я и знал! — сказал папа Карло. — Они бросили ее одну на темной палубе!

— Да нет же! Они ее не бросили. Маленькая девочка с ней не расстается. Она и ужинала с куклой на коленях. Но когда на третье подали апельсины, она выпустила куклу из рук. Потому что люди чистят апельсин двумя руками! Мальвина скользнула под стол и тихонько убежала на палубу. Она обрадовалась, когда увидела меня.

— Что же она сказала?

— Что она скоро вернется и привезет папе Карло много-много счастья.

— Урра! — закричал Пьеро. — Я знал, что она вернется!

Мальчики принялись скакать, а пудель вертелся между ними и залаял от радости:

— Урра!

Тут ласточка вспорхнула с подоконника.

— Не улетайте! — взмолился Карло. — Скажите, что она еще говорила? Да тише вы, детки! Угломнитесь!

Ласточка влетела под потолок и уселась на чердачной балке. Оттуда она с опаской глядела вниз.

— Мальвина сказала: «Пускай Артемон поменьше воеет, а то он расстраивает папу Карло!»

— Что? — взвизгнул Артемон. Но вдруг он смутился, поджал хвост и, понутив голову, уполз в угол.

— А еще она сказала: «Пускай мальчики чистят зубы и моют руки перед обедом!»

— Ох! — воскликнул Пьеро.

— Вот девчонка! Железный характер! — сказал Буратино. И тоже ушел в угол.

— А больше она ничего не сказала! — продолжала ласточка. — Мы слышали, что девочка плачет: «Где моя милая маленькая куколка?» Мальвина побежала вниз. А я полетела на берег. Вот и все.

— Спасибо, милая ласточка! — сказал Карло. — Вы меня утешили немножко. А все-таки мне беспокойно. Ну вот, приедут они в Ленинград. А дальше что? Ленинград, я слышал, далеко на севере. Там всегда вьюги и морозы. Дети замерзнут, и Мальвина с ними! Ведь там белые медведи плавают на льдинах!

— Не бойся, папа Карло! — откликнулся Буратино. — Она и белых медведей заставит мыть руки и чистить зубы! Это такая девочка!

— Чи-вить! — сказала ласточка. — В Ленинграде вовсе не холодно. Я улетаю туда каждую весну и провожу там все лето. Ласточкам там хорошо. Комаров и мошек — сколько угодно. Мы всегда сыты.

— Ну расскажите, расскажите нам про Ленинград! — воскликнул Карло.

Ласточка слетела вниз и уселась на спинку его кровати. Мальчики и Артемон сидели тихо и слушали.

— Мое гнездышко — в старой крепостной стене над самой рекой! — пела ласточка. — Это место зовется Петропавловская крепость. Летом там жаркое солнце. Люди купаются в реке и лежат на солнечном припеке — загорелые, сильные и здоровые. Дети играют в теплом песке. У них красивые разноцветные игрушки. На закате берег пустеет. Мы летаем вокруг высокой колокольни с золотым шпилем. Неподалеку оттуда, в зеленой роще, лежит зоологический сад. Там живет один белый медведь. Он всегда жалуется, что ему жарко. Он сидит по горло в воде в своем бассейне. Нет, в Ленинграде совсем не холодно.

— Это летом, — сказал Карло. — А зимой?

— Когда наступают холода, мы летим на юг. А весной опять возвращаемся в Ленинград! Я улетаю туда завтра на рассвете!

— Милая ласточка! — сказал Карло. — Прошу вас, разыщите Мальвину и помогите ей вернуться домой! Подумать страшно, что зимние холода застанут ее на севере! Ведь у нее даже нет теплого пальтишка!

Ласточка задумалась.

— Как же мне помочь ей? Ведь она не умеет летать!

— Папа Карло! — крикнул из-под стола Буратино. — Папа Карло! Я придумал! Ты только не говори «нет». Ты сначала послушай, что я скажу!

— Говори, сынок! — сказал Карло. — Да что ты так волнуешься?

Буратино комкал в руках свой колпачок, переступал с ноги на ногу, хлопал глазами и вертел носом во все стороны.

— Папа Карло... — Тут он захлебнулся.

— Ну что?

— Папа Карло... У тебя есть самолетик... Дай его нам... Мы полетим завтра вместе с ласточками... А потом вернемся и привезем Мальвину...

— Здорово придумал! — крикнул Пьеро и захлопал в ладоши, но тотчас же замолчал: что-то скажет папа Карло?

Карло задумался. Страшно ему было отпускать мальчиков в полет. Мало ли что может с ними случиться? И скучно ему будет без них. А как не отпустить? Ведь Мальвина, пожалуй, пропадет одна

на чужой стороне? Кто о ней позаботится? А мальчики ее разыщут!

— Мы полетим впереди и будем показывать им дорогу! — сказала ласточка.

— Ладно! — ответил Карло. — Собирайтесь, детки! Завтра в путь!

— Уррра! — закричали мальчики и Артемон.

Ласточка упорхнула в окно.

Карло вытащил из-под кровати большой сундук и вынул из него самолетик. Краска на нем так и блестела. Поперек крыльев шла зеленая надпись: «Театр Буратино». Шарманщик приготовил этот самолетик для нового представления. Да вот не пришлось ему показать это представление ребятам.

Мальчики с веселым криком бросились к самолету.

— Погодите! — сказал Карло. — Он еще не готов. Нужно сделать кабину побольше. А то Артемон не поместится в нее со своим хвостом!

Он достал с полочки над кроватью маленькую пилу, молоток, гвоздики!

— Ну-ка, мальчики, возьмите фанерку там в углу и выпилите мне три дощечки!

Мальчики принялись за работу. Пила визжала, опилки сыпались на пол.

Когда дощечки были готовы, Карло сколотил новую кабину. Построили кабину — стали шить разноцветные парашютики. А когда забрезжил рассвет, все было уже готово. Карло починил разорванный воротник Пьеро. Не являться же мальчику в Ленинград оборванцем!

— Чи-вить! — сказала ласточка, заглянув в окошко. — Нам пора в путь! Смотрите в окно. Как полетят ласточки, вылетайте и вы следом!

Карло поставил самолет на подоконник.

— Ну, прощайте, детки! Возвращайтесь живы и здоровы и привезите с собой Мальвину! — Он поцеловал их всех по очереди.

Пьеро, Буратино и Артемон уселись в самолет.

— Ты не скучай, папа Карло! — сказал Буратино.

— Мы привезем тебе счастье! — сказал Пьеро.

А пудель взвизгнул и лизнул хозяина в нос.

Но вот в розовом небе показались ласточки. Как черные стрелки,

летели они на север. Карло завел мотор. Самолет зажужжал, взмыл в воздух и вылетел в окно.

— Прощай, папа Карло! — кричали мальчики и махали своими колпачками, а хвост Артемона мотался по ветру, как флаг.

Вот самолет пролетел над соседней крышей, обогнул печную трубу. Вот он летит над улицей. Вот приближается к колокольне. Вот блеснуло на солнце его серебряное крыло.

— Прощайте, детки!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

о том, что задумал Карабас, узнав, что куклы улетели

Карло глядел в окно. Вдруг за дверью послышались топот, бормотанье, сопенье. Это Карабас лез по лестнице, таща за собой тяжелый кошель. Он встал нынче спозаранку. Не терпелось ему прибрать кукол к рукам!

Он ввалился в каморку и бросил кошель на стол. Деньги звякнули.

— Бери! — крикнул Карабас. — Вот тебе за твоих актеров! Гей, куклы! Где вы там? Ступайте сюда!

— Напрасно вы трудились, синьор Карабас! — ответил Карло. — Ведь я говорил вам, что не возьму денег. А моих актеров тут нет. Лучше не ищите!

— Где же они?

— Улетели! — Карло кивнул в окно. Там далеко в небе виднелся улетающий самолет.

— Куда улетели? Зачем? — заревел Карабас. И вдруг хлопнул себя по лбу. — Ах я, старый дуралей! Ведь говорили же мне пристанские крысы, что какая-то кукла уехала вчера на пароходе! Я думал, им привиделось! А это была Мальвина! Значит, мальчишки полетели за ней следом? Теперь я все понял. Я их догоню! Я их поймаю! Я их в бараний рог согну! А ты помирай, как знаешь!

Он схватил свой кошель и ринулся вон. Только треск пошел по лестнице.

Карло лежал и думал:

«Летите, мои детки, быстро-быстро, чтобы Карабас вас не догнал! Авось я не умру. Дождусь, что вы вернетесь».

Он глядел в окно, но самолета уже не было видно. Он скрылся за облачком.

Тем временем Карабас побежал на пристань — узнать, куда ушел пароход.

— В Ленинград! — сказал матрос и отвернулся. Уж очень противно было смотреть на Карабаса, на его вытаращенные глаза и разинутый рот.

— В Ленинград так в Ленинград! — пробурчал Карабас и, переваливаясь, как утка, побежал домой.

А жил Карабас в настоящей трущобе. У него был дом — огромный, как дворец, но какой дворец! Одна стена развалилась, другая треснула, и в трещине росла крапива.

Крыша скособочилась, как старое лукошко. На чердаке жили огромные пауки, в подвале гнездились змеи, а тараканы и клопы стадами ходили по всему дому, оставляя следы лапок в густой пыли.

Только в одной комнатке не было пыли. Там на стенах сияли зеленые обои с белым горошком. На столике блестела пищащая машинка. Перед ней сидела рыженькая секретарша с пушистым хвостом — лиса Алиса. Она любила аккуратность. Да разве приучишь Карабаса к аккуратности?

Лиса печатала на машинке объявление о том, что завтра на Королевской площади откроется кукольный театр синьора Карабаса-Барабаса. Уж конечно, Карабас добудет кукол! Завтра — за работу!

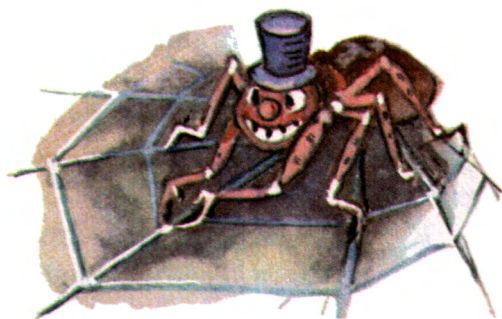
Вдруг Карабас ввалился в двери, выдернул из машинки объявление и скомкал его.

— Кончай работу! Мы едем в Ленинград!

— В Ленинград? Да что вы? — ужаснулась лиса и даже всплеснула лапками.

— А что такое?

— Да разве вы не знаете русской пословицы: повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову...

— Молчи! — гаркнул Карабас. — Ступай возьми билеты на самый быстроходный самолет! Живо поворачивайся!

Лиса вздохнула, пожала плечиками и раскрыла свою сумочку.

— Ты пойдешь или нет? — заревел Карабас и выхватил плетку.

— Делу время, а туалету час! — сказала лиса, погляделась в зеркальце и причесала себе ушки. А потом уже пошла за билетами.

Карабас спустился в подвал, распугал спавших змей и поднял скользкую от плесени каменную плиту. Под ней лежали его сокровища. Он выгреб кучу золота, наложил полон чемодан денег и еще рассовал червонцы по всем карманам.

Прошло немного времени, и вот однажды на Ленинградском аэродроме опустился самолет. Пилот заглянул в пассажирскую кабину и весело сказал:

— Вылезайте, голуби. Приехали. Вот он, Ленинград.

Из кабины вылез толстяк с сизой бородой. Пальто на нем было старинное — с пелериной, шляпа трубой, на ногах сапожищи. А лицо заспанное, опухшее и смятое, как дорожная подушка. Он как ступил на землю, так зашатался на ногах.

«Эх, укачало дедушку! — подумал пилот. — Ну ничего, внучка о нем позаботится. Она бойкая!»

Внучка тем временем выскочила из кабины и суежилась над чемоданами. Она была маленькая, верткая, в клетчатом картузе. Лицо розовое, кудряшки рыжие, на носу большие очки, а на шее зеленый шарф с белым горошком.

И вот дедушка с чемоданом, а внучка с саквояжиком в руках зашагали к воротам аэродрома. Это были, конечно, не дедушка с внучкой, а Карабас с лисой.

Утреннее солнце сияло в бледно-голубом небе. Крыши ангаров отливали серебром, крылья самолетов — золотом. А вдали в голубом тумане виднелись золотистые шпили городских башен.

Светло было в Ленинграде.

Светло и просторно.

Над воротами аэродрома реяли красные флаги, легкие и яркие, как лепестки гвоздики.

Вдруг Карабас остановился, выронил чемодан с червонцами и снова зашатался.

— Ну чего еще? — спросила лиса.

— Не могу идти, лиса. Просто немоготу мне — до чего светло! Глаза так и режет! — прохныкал Карабас и вытер глаза рукавом.

— А вы нахлобучьте шляпу пониже! — сказала лиса. — Удивляюсь я вам, синьор Карабас. Кто вас просил ехать в Ленинград? А уж если приехали, — терпите. То ли еще будет? Думаете, мне приятно носить на мордочке эту противную розовую маску? Я же терплю.

Она выпростала ручку в зеленой перчатке и поправила свое розовое личико. Оно было картонное. Карабас засопел и поплелся за нею следом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

о том, как два странных путешественника искали приюта

Карабасу было тошно. Он привык к тесноте старых домов, к вони и грязи кривых переулков у себя на родине. Там ему было уютно. А здесь были просторные улицы, прямые, как стрела. Дома на них были светлые и стройные. Если и встречались где-нибудь на дороге мусорная куча или сломанный столб, они, казалось, говорили прохожему:

— Мы здесь случайно. Мы не надолго. Завтра нас уберут, и вы нас больше не увидите. Прощайте!

А люди? Они шли по улице бодро и весело. Они держали головы прямо. Никто не сгибался в поклонах перед Карабасом, не бледнел от страха, не прятался в подворотни. Обидно было Карабасу смотреть на таких людей! А вот из-за угла ему навстречу вышли двое детей — мальчик и девочка — с сумками в руках. Мальчик взглянул на Карабаса и засмеялся:

— Смотри, Катя, какой бородач! Настоящий Карабас! Сестренка дернула его за рукав.

— Да тише ты, глупый! Старичок может обидеться!

И они быстро прошли мимо.

Карабас повеселел и погладил свою косматую бороду.

— Однако здесь про меня слышали! Меня знают, меня уважают!

— Уважают? — фыркнула лиса. — Не поздоровится вам от такого уважения!

— Это почему же? — обиделся Карабас.

— Давно сказано: добрая слава лежит, а худая бежит. Полюбуйтесь-ка на тот плакат. Вон, на заборе! Кто там нарисован?

Карабас взглянул на забор и обомлел. На плакате был нарисован он сам — во весь рост! Да какой страшный, какой противный! Выкатив глаза, он злобно рвал свою бороду, а Буратино скакал перед ним и показывал ему длинный-предлинный нос! На плакате было написано: «Смотрите фильм по сказке А. Н. Толстого «Приключения Буратино, или Золотой ключик».

Карабас сначала попятился, потом заревел, как бык, и ринулся вперед. Он хотел сорвать обидный плакат, растоптать его ногами, изодрать в клочки! Но лиса схватила его за фалды и оттащила прочь.

— Вы в своем уме? Не подходите к плакату! Вас узнают — соберется толпа... Уйдем, уйдем отсюда поскорее!..

Она потащила Карабаса в боковую улицу.

Карабас кипел злобой. Минуту тому назад он досадовал, что о нем не слыхали в Ленинграде! А сейчас он не знал, куда деваться от своей славы. Он сжимал кулаки, кусал губы, скрежетал зубами.

— Я их найду! Я их поймаю! Я их в порошок сотру! И шельмеца Буратино, и всех его друзей! Это они выболтали Толстому всю историю с золотым ключиком! Они, негодяи, осрамили меня на весь мир!

— Ладно, успокойтесь! — сказала лиса. — Прежде всего нам нужно найти верное пристанище и скрыться от любопытных взглядов. А там уж мы расправимся со всеми шельмецами по-свойски!

Они решили уйти подальше, на край города, — искать приюта у людей, которые никогда не ходят в кино и ничего не слышали о золотом ключике.

Далеко им пришлось идти. Шумные, веселые улицы протянулись на целые километры. Кончились эти улицы — начались стройки. Тут воздвигали огромный дом, там мостили площадь, там строили мост над широкой, медленной рекой. И повсюду им виделись растворенные двери кино и пестрые плакаты: «Смотрите все фильм «Золотой ключик»! Словом, некуда было податься нашим путешественникам.

Шли они, шли и увидели, что в одном месте ломают старый, кособокий домишко. Рабочие уже сняли с него крышу и разбирали гнилые балки. Пыль стояла кругом, едкая столетняя пыль. И вдруг из этого дома выбежал клоп с дорожной котомкой за спиной и быстро зашагал по улице.

— Эй, братец, погоди! — крикнула лиса.

Клоп оглянулся, снял свою шапочку и низко поклонился Карабасу. Он сразу узнал милых земляков из Тарабарской страны. Они рассказали ему про свою невзгоду.

— Да, трудное пришло время! — вздохнул клоп. — Нам, клопам, вовсе житья не стало. Старые дома ломают, а в новых нам селиться не велят. Я и сам уезжаю отсюда и не знаю, где приклоню голову. А вам я вот что посоветую: ступайте вон в тот кривой переулок, постучитесь вон в тот домик. Живет там старушка Марья Ивановна. Она подслеповатая и в кино не ходит. Попроситесь к ней на квартиру. Там вам будет спокойно.

Карабас и лиса послушались клопа и пошли в тихий переулочек. Дома в нем были маленькие, старенькие. Перед домами росли липки в деревянных загородках, мостовая поросла травой. Видно, по этому переулку никто не ездил.

У одних ворот на лавочке сидела старушка в белой косынке. Это и была Марья Ивановна.

Лиса подсела к ней и заговорила о разных разностях — о хорошей погоде, и о вчерашнем дожде, и о том, как быстро летит время. А Карабас стоял рядом, поглаживал бороду и улыбался как можно добродушнее.

Старушка оказалась разговорчивая, и лиса у нее все выспросила. Огромная борода Карабаса очень понравилась Марье Ивановне. Такая борода, только поменьше, была у ее покойного дедушки. Бывало, ребенком Марья Ивановна заплетала эту бороду в косички, и дедушка не сердился. Он был добрый. А в кино Марья Ивановна не ходит. Ей не нравится, что там все мелькает, все бегут куда-то, спешат, суетятся... Зато уж радио она слушает с удовольствием.

А радио ей поставил внучек Миша, умный, хороший мальчик. Он теперь с матерью на даче и пишет оттуда Марье Ивановне: «Приезжай, бабушка, к нам в гости!» А бабушка и рада бы поехать, да нельзя бросить квартиру: некому будет часы заводить.

А часы у нее замечательные, старинные, с кукушкой, только уж

очень дряхлые. Часовщик сказал: если они останются, их уже не починишь. И со стенки их нельзя снимать. Вот Марья Ивановна и живет при часах, подтягивает им гирьки каждый день, а на дачу не едет. Посидит на лавочке, подышит воздухом — и опять домой!

Тут лиса подмигнула Карабасу и сказала сладким голосом:

— А на даче-то теперь благодать! Травка зеленеет, и птички поют. Сходили бы вы, Марья Ивановна, в лесок, набрали бы ягод, сварили бы вареньица любимому внуку! Ну не досадно ли сидеть тут на лавочке!

— Что и говорить! — вздохнула старуха.

— Жаль мне вас, Марья Ивановна, очень жаль! — сказала лиса. — Поезжайте вы, с богом, на дачу. Погуляйте на воле. А мы здесь присмотрим за вашими часами. Мы люди богатые, свободные, приехали Ленинград посмотреть и себя показать. Отчего бы нам не помочь старому человеку — не пожить в вашей квартире?

Подумала Марья Ивановна, взглянула опять на сизую бороду Карабаса, вспомнила покойного дедушку, а заодно и маленького внука — и согласилась. Да еще спасибо двум пройдохам сказала.

Она отвела их по скрипучей лесенке в свою квартирку под самой крышей.

В квартирке было уютно. На окнах — горшки с геранью, на столах — вязанные салфеточки, на полу — полосатые дорожки. В простенке висели старинные часы с узорным домиком на макушке и громко тикали.

И вот, едва Карабас ступил на порог, порог заскрипел. Шагнул Карабас в комнату — пол затрещал. Сел он в кресло — кресло охнуло, стол застонал, а большой шкаф треснул так громко, будто выстрелил.

— Не пускай злодеев в квартиру! — говорили вещи. Но Марья Ивановна не слушала. Она влезла на стул и показала лисе, как нужно заводить часы. Заскрипели колесики, забренчали гирьки, и вот с треском и громом раскрылся узорный домик. Из него выскочила желтая кукушка и жалобно прокуковала:

— Беда! Беда!

Но Марья Ивановна опять ничего не поняла. Ей уже виделись дача, сосенки, медный таз с горячим вареньем и внучек Миша, слизывающий с ложки вкусные пенки!

Она собрала свои вещички в узелок, простилась с новыми знакомцами и весело заковыляла на вокзал.

Едва дверь захлопнулась, лиса заглянула в комод, отворила шкаф, выдвинула ящики в столе, а потом бросилась к старенькой швейной машинке.

— Ах, вот они где!

Возле машинки лежали большие ножницы. Лиса схватила их, подтащила Карабаса к тусклому зеркалу и сунула ему ножницы в руки.

— Обрежьте бороду.

— Что? — заорал Карабас. — Чтобы я обрезал бороду? Да ты не в своем уме!

— Подведет вас эта борода! — сказала лиса. — Здесь каждый школьник видел ваш портрет на плакате. Они вас сразу узнают, как только покажетесь!

— Не узнают! — сказал Карабас. — Я засуну бороду под воротник и застегну пальто на все пуговицы! А уж с бородой я не расстанусь! Дудки!

Лиса пожала плечами и положила ножницы на место.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

о том, как пароход с детьми приплыл в Ленинград

Пока Карабас и лиса устраивались в квартирке Марьи Ивановны, пароход с детьми все плыл и плыл по морю на северо-восток.

Маленькая девочка не расставалась с куклой. Днем она играла с ней, а вечером укладывала спать в свою постельку. Мальвина глядела прямо перед собой синими глазками, улыбалась красным ротиком. А если девочка ставила ее ножки на пол, она пела то-ненько:

Тяжело и грустно мне:
Счастья нет в моей стране.
Потому-то в край чужой
И плывет кораблик мой.

Дети на пароходе подхватывали хором эту песню и говорили между собой:

— Какая замечательная куколка!

Однажды вдаль над серым морем показались тонкие синеватые трубы, башни, огромные купола. Это был Ленинград. Пароход вошел в устье медленной реки. Мимо низких, серых берегов, мимо горбатых подъемных кранов, мимо барок, нагруженных золотистыми досками, подвигался он к городу.

А вот и набережная — дома с колоннами, пристань и мост.

Сколько народу столпилось у пристани! Ленинградские школьники вышли навстречу приезжим детям с красными знаменами, с серебряными трубами, с букетами цветов.

Дети стояли на палубе, смотрели на берег. Маленькая девочка подняла Мальвину над перилами — пускай и кукла посмотрит.

И вот, когда борт парохода коснулся пристани, заиграла музыка. Люди на берегу закричали, замахали шапками и букетами, приветствуя гостей. В эту минуту Мальвина выскользнула из рук девочки и стремглав бросилась вниз.

— Ах! — вскрикнула девочка и заплакала. — Куколка упала в воду!

Но Мальвина упала не в воду, а на нижнюю палубу, на чей-то

дорожный мешок. И тотчас же скатилась с мешка на пол. И быстро-быстро поползла в самый темный, самый дальний уголок судна... А там забилась в щель между двумя ящиками и дрожала.

Вот с парохода спустили сходни. По ним побежали резвые ноги — много ног. Дети высаживались на берег. На нижней палубе матросы громыхали ящиками, собирали узлы и чемоданы.

А Мальвина все еще сидела в темной щели и дрожала. Что же такое с ней случилось? А вот что: она увидела Карабаса. Он стоял на берегу и смотрел на пароход в большой бинокль. Круглые стекла бинокля блестели, как страшные, черные глаза. Сейчас он наведет их на Мальвину... Тут-то она и бросилась вниз.

Видел Карабас или не видел, как она падала? Если видел, он проберется на пароход. Тогда — прощай счастье! Он посадит Мальвину в мешок и увезет ее обратно в Тарабарскую страну!

Вот уже тихо стало на пароходе.

Музыка поиграла и замолкла, удаляясь. А Мальвина все еще боялась выглянуть на свет. В щели было темно, холодно и пахло плесенью.

Вдруг Мальвина услышала шорох, скрип и чье-то бормотанье. Она в страхе подняла голову. Над ней в пыльной паутине качался старый, седой паук.

— Ах ты глупая, глупая девочка! — пробормотал паук. — Ну зачем тебя понесло на край света из Тарабарской страны? Вот ты и напугалась. Полезай ко мне в паутину, я сплету тебе теплую колыбельку, укрою тебя мягким пыльным одеяльцем. Ты уснешь, и никакой Карабас тебя не найдет. Качаться в паутине и сладко дремать — это и есть счастье! — И паук накинул на куклу легкую шелковую паутинку.

— Нет! — крикнула Мальвина, вскочив на ноги. — Мне такого счастья не нужно! Оно не поможет папе Карло!

Она разорвала паутинку и побежала на палубу.

Солнце зашло, небо стало молочно-голубое, только вдалеке за городом еще светилась бледно-желтая заря. Кругом было тихо.

Мальвина выглянула из-за борта. А вдруг Карабас все еще стоит на набережной? Но у пристани не было ни души.

Она тихонько пошла к сходням. Но где же сходни? Они уже убраны. Между пристанью и пароходом — темная, глубокая вода. Как же перебраться на берег?

Над водой протянут канат. Одним концом он привязан к столбику на пароходе, другим — к пристани. Он отражается в текучей воде. Отражение извивается, как змея. А сам канат висит неподвижно. Он толстый, крепкий, надежный.

Мальвина влезла на столбик, а с него — на канат. Крепко держится за канат руками и ползет по нему на коленках. Тихонько, тихонько, не нужно торопиться. Не нужно смотреть вниз, в текучую воду, а то закружится голова. Канат жесткий, он царапает Мальвине коленки. Руки устали. А до пристани еще далеко. Вдруг Мальвина сорвется с каната и потонет в темной воде?

Не нужно об этом думать. Нужно помнить о папе Карло и о том, чтобы добыть ему счастье.

— Гоп! — Мальвина спрыгнула на пристань. Она посидела немножко, отдохнула, поплакала. Уж очень страшно было ползти по канату. Хорошо, что это прошло!

Мальвина сошла по мосткам на берег. На набережной было тихо и пустынно. Вдалеке гроыхали и позванивали трамваи, взбираясь на мост. Над рекой мелькали их красные и зеленые огоньки.

Мальвина быстро шагала по каменным плитам набережной. Слева от нее — булыжная мостовая. Справа — высокий парапет из

гранитных глыб. Ни травинки кругом, ни цветочка. Одни серые камни. Неужто здесь водится счастье?

Вдруг Мальвина услышала за собой легкие шаги. По набережной бежала маленькая барышня в клетчатом картузе и вертела розовым носиком во все стороны. Мальвина спряталась за чугунную тумбу. Пускай барышня пробежит мимо — тогда Мальвина пойдет дальше. Но барышня подбежала прямо к тумбе, заглянула за нее и сказала:

— Что же ты прячешься, душечка Мальвина? Разве ты меня не узнала?

Тут из-под розового личика барышни выглянула страшная оскаленная морда.

— Лиса! — вскричала Мальвина и опять отскочила за тумбу. Но лиса подобралась к ней с другой стороны. Мальвина побежала вокруг тумбы, а лиса — ей навстречу.

Так они вертелись возле тумбы, а лиса приговаривала:

— Не бойся, не бойся, детка! Пойдем домой, крошка! Пойдем к нашему хозяину Карабасу!

И вдруг она перепрыгнула через тумбу и схватила Мальвину поперек туловища.

— Долго мне возиться с тобой, противная девчонка? Вот я тебе нос откушу!

У Мальвины потемнело в глазах и сердце замерло. Теперь прощай, счастье! Прощай, папа Карло!

Лиса сунула куклу под мышку и быстро зашагала по набережной.

Как же это случилось, что лиса подкараулила Мальвину?

А вот как.

Ни лиса, ни Карабас не видели, как Мальвина упала на нижнюю палубу. Но они знали, что она приехала с детьми на пароходе. Карабас глядел в бинокль на каждую девочку, проходившую по сходням, — не несет ли она Мальвину? Но девочки несли в руках только узелки и чемоданчики.

Одна маленькая девочка шла с пустыми руками и плакала. Карабас даже не посмотрел на нее — мало ли о чем плачут девчонки? А это была маленькая Анита, она плакала о своей пропавшей кукле. Когда же она сошла на берег, ей подарили большой букет пионов. И она перестала плакать.

Приезжих детей посадили в блестящие автомобили и повезли по набережной.

Школьники построились в колонну и пошли за ними с красными знаменами, с серебряными фанфарами. Тогда Карабас сказал лисе:

— Может быть, Мальвина осталась на пароходе, а может быть, дети увезли ее с собой в каком-нибудь чемоданчике. Ты останься здесь и пригляди за паромом, а я побегу — узнаю, куда повезли детей.

Карабас спрятал бороду под пальто, застегнул пуговицы покрепче и побежал за колонной школьников. А лиса спряталась за афишный столб. Стоит, читает афиши, а сама поглядывает на паром.

Набережная опустела.

На пароходе убрали сходни.

Наступили светлые весенние сумерки.

И вдруг лиса увидела, что по канату над водой скользит что-то розовое. Как будто ветер придул к канату розовый цветок и тихонько его шевелит.

Но никакого ветра не было.

— Эге,— сказала лиса.— Знаем мы, какой это цветочек!

Она подождала, пока Мальвина сошла на берег, и тогда пустилась за ней вдогонку.

Теперь лиса гордо шла по набережной, похлопывала Мальвину лапой по голове и думала:

«Ну, одно дело сделано. Мальвина в наших руках. Теперь остается только поймать мальчишек. Эх, господин Карабас, что бы вы стали делать без моей помощи?...»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

о заботливых людях и о догадливой собаке

Лиса подошла к трамвайной остановке. Тут было мало народу: худой гражданин с портфелем под мышкой, румяная гражданка в белом беретике и курносый мальчик. Этого мальчика звали Костя. Румяная гражданка приходилась ему теткой, и он провожал ее до трамвая. А худой гражданин был сам по себе.

Лиса скромно остановилась возле рельсов и стала ждать трамвая. Никто бы не подумал, что это лиса. Стоит себе маленькая барышня, держит куклу под мышкой. Верно, везет ее своей маленькой сестренке. Глазки у куклы синие, губки красные. Никто бы не догадался, что у Мальвины сердце разрывается от горя. Да никто и не смотрел на нее.

Худой гражданин задумался, уставив глаза на рельсы. А тетка с племянником глядели вдоль набережной и смеялись.

Там бегала большая серая собака.

Это была овчарка. У нее были сильные, высокие ноги, крепкая грудь и торчащие ушки над черной как уголь мордой. Видно было, что она бежит тут для своего удовольствия — то воробьев спугнет, то вскочит передними лапами на парапет и лает на проходящий пароходик, то как пустится бежать по панели большими прыжками!

Весело было на нее смотреть.

— Я знаю эту собаку! — сказал Костя. — Ее зовут Друг. Она живет в нашем доме у доктора Николая Ивановича. Она ходит с хозяином на военные занятия и учится ловить шпионов.

— Какая умная! — сказала румяная гражданка и позвала: — Друг! Друг! Поди сюда!

Но Друг остановился и понюхал воздух. Потом он побежал по панели, опустив нос к земле, — сначала в одну сторону, потом в другую. Потом он завертелся вокруг тумбы и вдруг помчался прямо к трамвайной остановке. Зубы у него оскалились, глаза горели.

— Ах! — вскрикнула румяная гражданка и схватила Костю за рукав.

Друг налетел на барышню с куклой и повалил ее на землю. Барышня извернулась, подпрыгнула и метнулась в сторону. Друг снова ринулся за ней, бросил на мостовую и схватил зубами за горло...

Тут все трое — худой гражданин, румяная гражданка и мальчик Костя — кинулись на Друга. Гражданин выронил портфель и вцепился руками в ошейник собаки, гражданка била Друга по голове своей сумочкой и кричала: «Пусти, пусти, негодный!», а Костя тащил собаку за хвост и орал: «Помогите!»

Да разве овчарка отпустит свою добычу? Друг злобно рычал, прижав уши. И крепко держал барышню за горло. А барышня еле дышала, раскинув на мостовой ручки в зеленых перчатках.

Со всех сторон сбегались люди.

Кажется, никого не было на набережной, а тут откуда набрался народ! Кто кричал, кто свистел, засунув в рот два пальца, кто помогал тузить собаку!

В это время хозяин Друга доктор Николай Иванович сидел в своей комнате у открытого окна и читал книгу. Услышав лай Друга и крики людей, он выскочил в окно. И в два прыжка очутился возле собаки.

— Назад, Друг! Слышишь, назад! С ума ты сошел! — крикнул он и рванул ошейник.

Услышав команду, собака разжала зубы. Хозяин оттащил ее в сторону. Но Друг снова рвался к барышне, лаял и чуть не валил доктора с ног. Тем временем барышню подняли с мостовой. Худой гражданин и румяная гражданка подхватили ее под руки и спрашивали наперебой:

— Он укусил вас? Ушиб? Идти можете? А то вызовем «Скорую помощь»? Эй, бегите кто-нибудь к телефону!

— Я побегу! — крикнул Костя и пустился бегом по улице.

— Не надо! — взвизгнула барышня, да так звонко, что Костя застыл на бегу. — Не надо мне скорой помощи! Я сама пойду! Пусти-те меня!

Она оглянулась вокруг себя, будто искала что-то.

— Отведите ее в аптеку! — сказал старичок в чесучовом пиджаке. Он ехал на велосипеде, но, услышав крики, спешился и вел велосипед в руках. — Видите, ей не по себе! В аптеке ей дадут капли и посмотрят, не укусила ли ее собака!

— Не укусила! Нет, не укусила! — вскрикнула барышня и опять огляделась.

— А вы не можете знать, укусила или не укусила! — сказал старичок. — Нужно, чтобы вас осмотрели. Бывает, маленькая, еле заметная царапинка от зубов собаки, а человек может от нее погибнуть. Особенно если собака бешеная!

— А она наверное бешеная! — вскрикнула румяная гражданка. — У нее глаза так и горели!

Тут все заговорили разом, замахали руками, стали ругать доктора. С ума он сошел, что ли? Такую собаку без намордника выпустил! Да она всех могла перекусать!

— Оштрафовать его надо, ирода! — крикнула женщина в синем рабочем халате и стукнула метлой оземь.

— Правильно, гражданка! Меня оштрафуют — и за дело! — отозвался доктор. — А вам, барышня, необходимо сделать прививку! Погодите минутку, я отведу собаку домой и сейчас вернусь! Я отвезу вас в институт!

Доктор потащил Друга к дому. А тот обиженно визжал и упирался. Костя подталкивал собаку сзади. Мальчику хотелось узнать, правда ли, что Друг взбесился? Уж очень было жаль собаку!

Тем временем к остановке медленно подошел трамвай. Вожатый трезвонил во всю мочь. Худой гражданин оглянулся и ахнул: поперек рельсов лежал его портфель! Гражданин выпустил барышню и бросился его поднимать. Барышня ловко вырвалась из рук румяной гражданки, подбежала к вагону и вскочила на площадку.

— Стой! Стой! — крикнул старичок. Но кондукторша уже дала звонок, и вагон тронулся. Тут все они: худой гражданин, румяная гражданка, старичок с велосипедом и женщина с метлой — кинулись к вагону.

— Дайте нам ваш адрес! К вам доктор домой приедет! Вам сделают прививку! Говорите скорее, где вы живете?

— Нигде! — крикнула барышня, высунувшись в окно. — Я нигде не живу! — И она спряталась за пассажиров.

— Да остановите же вагон! — кричал старичок. Но вожатый не слышал и припустил ходу. Вагон удалялся, позванивая и грохоча. Кучка граждан осталась на мостовой.

— Вот какая несознательная барышня! — сказал худой гражданин и развел руками.

— Просто бешеная! — рассердилась гражданка с метлой. — Нигде не живет! Как это может быть — нигде?

— Уж очень она испугалась! — сказала румяная гражданка. — Это у нее от испуга все в голове перепуталось!

— Знаете что? — сказал старичок. — Пойдемте все в милицию и расскажем, как было дело. Пускай ее милиция найдет. Ведь нужно же ей сделать прививку. Нельзя допустить, чтобы она погибла от своей несознательности!

Тут все четверо пошли скорым шагом в милицию.

Доктор Николай Иванович и мальчик Костя втащили Друга в дом и заперли его в темный чулан. Потом доктор посмотрел в окно и удивился:

— Где же эта гражданка?

У остановки уже никого не было. Вдалеке на мосту виднелся уходящий трамвай.

— Ее, верно, моя тетя в институт повезла! — сказал Костя. — Мы с ней ездили туда прошлым летом, когда меня деревенские собаки укусили. Тетя всех там знает!

— Ну и ладно! — сказал доктор. — В таком случае я отведу Друга на ветеринарный пункт. Ему тоже надо сделать прививку!

Друг покорно позволил надеть на себя намордник и прицепить сворку к ошейнику. Но он не глядел на хозяина, не вилял хвостом. Он был обижен. Ведь он поймал сегодня лису и надеялся, что его похвалят за это. А его обругали бешеным и побили! Что за несуразные люди!

Едва они вышли на улицу, Друг опять забеспокоился. Заскулил, натянул сворку и потащил хозяина за собой.

— Посмотрим, куда он вас поведет! — сказал Костя.

Они оба пошли за собакой.

Друг опустил нос к земле, повертелся вокруг тумбы и побежал к трамвайной остановке. А потом вдруг повернул назад к парапету и так припустил ходу, что хозяин еле поспевал за ним. Там на панели были сложены доски. Друг подбежал, сунул нос между дос-

ками и гранитной стенкой да как залает!

— Ну что там? Крыса, что ли? — спросил хозяин. — Некогда нам возиться с крысами! Пойдем, Друг!

Но Друг не слушался. Он то царапал доски передними лапами, то отскакивал назад и весело лаял. Ушки у него торчали вперед. Глаза были любопытные. Видно, за досками было что-то интересное!

— Погоди! — сказал Костя, сунул руку в щель и вытащил...

Ну, вы, конечно, догадались, кого он вытащил? Мальвину.

Она убежала и спряталась за досками, пока люди оттаскивали Друга от лисы.

Платице на ней измялось, волосы растрепались, ручки были подняты кверху с мольбой.

— Кукла! — ахнули оба, и доктор, и мальчик. А Друг скакал вокруг и лаял от радости.

Костя поставил куклу на парапет, чтобы лучше ее разглядеть. Тут Мальвина нагнула головку набок и запела тоненько:

Было очень грустно мне:
Счастья нет в моей стране!
Потому-то в край чужой
И приплыл кораблик мой!

— Подумайте! В этой кукле музыкальный механизм! — сказал доктор. — Какая замечательная игрушка! Что мы сделаем с этой находкой?

— Я знаю! — сказал Костя. — Я отнесу ее во Дворец пионеров! Нужно, чтобы все наши ребята посмотрели на эту куклу и послушали, как она поет! Не грусти, милая куколка: там тебе будет хорошо!

Он взял Мальвину на руки, и они пошли через мост. Друг бежал впереди, натягивая сворку.

Тем временем лиса добралась до квартирки Марьи Ивановны и рассказала Карабасу свое приключение.

— Где же Мальвина? — заревел Карабас.

— В том-то и дело, что не знаю где! — огрызнулась лиса. — Да найдется ваша Мальвина, не горюйте! Скажите спасибо, что я от тех граждан ноги унесла! Ведь если бы они повели меня на прививку, пришлось бы мне снять пальто и перчатки! И все увидели бы, кто я такая! И заперли бы меня в клетку в зоологический сад! Ух, натерпелась я страху!

— Ну и город! Ну и люди! — проворчал Карабас. — У нас, хоть десять собак на человека кинутся, — никто не пошевелится! А тут далась им эта прививка!

Он запустил пятерню в свою сизую бороду и задумался.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

о том, как Карабас сидел на крыше

На другое утро за завтраком Карабас сказал лисе: — Ступай на набережную, поищи Мальвину! Ты ее потеряла, ты и найди!

— Ну уж нет! — огрызнулась лиса, допивая кофе. — Я на ту набережную и носа не покажу! Мне своя шкура дороже! Ищите Мальвину сами, как знаете!

— Трусиха! — рявкнул Карабас и так стукнул кулаком, что у столика ножка подломилась.

А лиса и ухом не повела, нацепила свою розовую масочку, надела картуз, застегнула зеленые перчатки.

— Я ухожу по делу!

Карабас бросил в нее кофейником, но она увернулась, скользнула в дверь и пошла в магазин. Она решила купить себе новую косыночку. Ее зеленый шарфик вовсе истрепался от зубов Друга.

Карабас отшвырнул стул, пнул ногой круглую скамеечку Марьи Ивановны так, что она отлетела вверх тормашками, и сдернул с вешалки пальто.

Он собрался сам пойти на набережную — искать Мальвину. Нахлобучил шляпу, шагнул к двери, и тут его обуял страх. А что, если

та проклятая собака опять бежит по набережной? А что, если она бросится и схватит его за горло? У него даже холодный пот выступил на лбу. Он упал в кресло и задумался: «Идти или не идти?»

Вдруг что-то скрипнуло и заскреблось под окном. Карабас вздрогнул и оглянулся. В окно прямо на него смотрела черная бархатная мордочка с зелеными глазами.

— Мая-у! — сказала мордочка.

— Брысь, окаянная! — заорал Карабас. — Тебя только не хватало!

Он швырнул в кошку цветочным горшком. Кошка прыснула прочь, только хвост мелькнул в воздухе. А горшок грохнулся по железу и раскололся. Черный куличик земли покатился по крыше вместе с кустиком герани. Герань махала листочками, будто звала: помогите! помогите! Но Карабас даже не взглянул на нее. Кустик застрял на краю желоба.

Карабас стоял у окна и думал: «Идти или не идти?» За окном шумел город. Гремели трамваи, завывали гудки автомобилей, громкоговорители сыпали из веселых глоток множество слов.

Вдруг вдалеке послышался рокот. Он приближался, возрастал, заглушал городские шумы и наконец заполнил собой весь воздух.

Над городом плавно и упруго летела тройка самолетов.

— Ах я, остолоп! — воскликнул Карабас. — Да как же я забыл, что мне нужно караулить все пролетающие самолеты? А то мы прозеваем мальчишек! Никуда я сегодня не пойду!

Он вылез на крышу, уселся возле трубы и стал смотреть на небо в большой бинокль. Не покажется ли над дальними крышами маленький самолетик с зеленой надписью «Театр Буратино»?

Черная кошка уже сидела напротив в чердачном окне, глядела на Карабаса сердитыми глазами и думала:

«Откуда такой явился?»

Она жила в соседнем доме, а к Марье Ивановне ходила в гости. Марья Ивановна звала ее Мусенькой и всегда давала ей молоко на блюдечке. И никто не швырял в Мусеньку цветочными горшками!

На другой день с утра Карабас опять вылез на крышу с биноклем и сидел там до позднего вечера. Так и повелось у них: лиса ходила за покупками, вынюхивала, отслеживала в городе, не узнает ли что-нибудь про Мальвину. Карабас торчал на крыше и караулил

пролетавшие самолеты, а Мусенька сидела в чердачном окошке и следила за ним зелеными глазами.

Однажды ей так надоело на него смотреть, что она свернулась клубочком и зажмурилась. Под уличный гул и грохот сладко дремалось.

Вдруг Мусенька насторожила ушки. Сквозь городской шум ей послышалось какое-то жужжание, стрекотание, какой-то серебряный звон. Как будто большая стрекоза летела над крышей.

И вот над серыми башнями нового Дворца культуры сверкнула в небе серебряная искра. Она приближалась и росла.

Это был маленький серебряный самолетик.

Тут по крыше прокатился такой шум и гром, что воробьи стаями взлетели с соседних домов. У Мусеньки вся дрема прошла. Это Карабас, сидя у трубы, колотил каблучищами по железу и рычал:

— Это они! Пропади я на месте — это они! Я их догоню, я их поймаю, я их в бараний рог скручу!

Самолетик пролетел над соседней улицей в ту сторону, где между крышами виднелись зеленые верхушки лип, и скрылся за высоким зданием новой школы.

Карабас вскочил, прогромыхал по крыше и прыгнул в комнату, опрокинув с окошка все цветы.

Потом Мусенька услышала, как он с треском захлопнул дверь и протопал по лестнице вниз. Она зевнула, выгнула спину горбиком, потянула сначала передние, потом задние лапки и не спеша подошла к окошку.

Ну и разгром был в квартирке у Марьи Ивановны! Стол скособочился, присев на сломанную ногу. Стул лежал на боку раскорякой с выбитым сиденьем. У кофейника из разбитого носа ползла черная гуща. Круглая скамеечка запрокинулась в глубоком обмороке. А помятые, растоптанные цветы герани валялись на полу среди битых черепков и земляных комьев.

Мусенька, осторожно ступая лапками, пробралась в комнату и вспрыгнула на кресло. Еще недавно это кресло было мягкое, удобное, чистое. А теперь? Спинка отвалилась, из сиденья торчали пружины, чехол был измазан ваксой, залит кофе, забрызган чернилами! Видно, Карабас недаром на нем посидел!

— Ну и дела! — сказала Мусенька и сморщила носик. — Это что же? Новый жилец так безобразничает?

— Не говорите! — охнуло кресло. — Никакого с ним сладу нет!

— Бу-бу-бу! — заворчал старый комод. — Он в меня пнул сапожищем! А что я ему сделал?

— За что он нас сломал? — взвизгнули сахарные щипцы. — Кто будет теперь колоть сахар?

А красные цветочки герани заплакали тоненько и жалобно:

— Мы ничего дурного не делали! Мы только цвели и радовались солнышку! За что он нас погубил?

Тут все вещи в комнате заговорили разными голосами, стали жаловаться и бранить Карабаса. Его секретарша еще туда-сюда, аккуратная барышня! А от него никому житья нет! Бьет и ломает все кругом! Хоть бы убрался он поскорее восвояси!

— А вы его сами уберите! — посоветовала Мусенька и принялась умываться.

Тут с треском и громом раскрылся узорный домик на старинных часах, из него выглянула желтая кукушка и сказала:

— Ку-ку! Послушайте, что я скажу!

Вещи притихли, а Мусенька даже перестала лизать лапку и замерла с высунутым язычком.

Все в доме уважали старую кукушку.

— Я живу на свете полтораста лет! — сказала кукушка. — Я видела вещи, которые вы, молодежь, помнить не можете! Это было давным-давно. Мои часики были еще совсем новенькие, а на домике еще блестела позолота. Теперь она стерлась!

Кукушка вздохнула, и в горле у нее скрипнула пружинка. Вещи терпеливо ждали. Все знают, как грустно старикам вспоминать свою молодость!

— Мы висели тогда в спальне в большом помещицьем доме, — продолжала кукушка. — В доме был барин, такой же толстый, краснорожий и злой, как наш жилец. Целый день он сидел в кресле, одетый в засаленный халат, и пил водку или, выпучив глаза, курил длинную-предлинную трубку. Целый день возле него на коленях стоял мальчишка-казачок. Он наливал барину водку в стакан, набивал трубку и разжигал табак угольком.

Барин то и дело давал ему подзатыльник, а иной раз бил его смертным боем.

— Вот злодей! — ахнули все вещи в комнате.

— Попался бы он мне в лапки! — проворчала Мусенька.

— Слушайте дальше! — сказала кукушка. — Однажды барин послал мальчика на кухню за соленым огурцом, а сам задремал, сидя в кресле. Трубка выпала у него из рук, горячий табак высыпался на ковер. Ковер-то и затлел...

Входит мальчик с огурцом на тарелочке и видит: спит барин в кресле, трубка уронена, а в ковре — черная дыра... Растет дыра, бегают по ее краям бойкие огоньки...

Охнул мальчик, затрясся весь: «Оторвет он мне голову за этот ковер!»

Поставил тарелку на стол, распахнул окошко и выпрыгнул в сад! Только его и видели!

Из окошка подуло ветром. Язычки пламени вспыхнули, лизнули халат барина, побежали по обивке кресла. Пуховая подушка загорелась, затрещала... Очнулся барин — весь в огне! Заорал он страшным голосом, заметался по комнате, а кругом уже все пылало... Пожар был такой, что весь дом сгорел. Люди прибежали — немного вещей вынесли. Вот и меня с часиками спасли, только у меня одно крыло обгорело! Видите — это с тех пор!

Кукушка повернулась боком, и все с почтением поглядели на ее обгорелое крылышко.

— А барин? — спросила Мусенька.

— Барина со всех сторон обожгло! — ответила кукушка. — Он потом уехал в чужие края и больше не вернулся на старое место. Вот и пришло мне в голову, что наш новый жилец — точь-в-точь тот стародавний барин! Они одной породы! Нам таких жильцов не нужно! Верно я говорю?

— Верно! Верно! — закричали вещи.

— Ну вот! — сказала кукушка. — Вы знаете, что мы, вещи, слушаемся только аккуратных людей, которые любят порядок. А с неряхами и безобразниками мы можем сделать все что захотим! Так давайте сговоримся и выгоним Карабаса из дому, пока секретарши нету!

— Давайте подожжем дом! — крикнула спичечная коробка и подпрыгнула так, что в ней спички забренчали.

Но вещи боялись пожара. Им не хотелось сгореть в огне. Нет, этот способ не годился!

— Давайте утопим Карабаса! — сказал графин с водой. — Откроем в кухне водопровод и устроим наводнение!

Это тоже никому не понравилось. Зачем портить квартирку Марьи Ивановны? У старушки ревматизм, она потом заболит от сырости. Нужно придумать что-нибудь другое!

— Придумай, Мусенька!

Мусенька почесала себе ушко задней лапкой, потом зевнула, потом лизнула себе плечико и сказала:

— Лучше я расскажу вам сказочку. Это сказочка братьев Гримм. Я слышала, как Миша читал ее вслух Марье Ивановне, и постаралась все запомнить. Мало ли что случится,— ан и сказочка пригодится!

Мусенька улеглась, сложила лапки муфточкой и замурлыкала. Она мурлыкала и поглядывала на всех лукавыми, прищуренными глазами.

И когда она досказала свою сказочку, комод затрясся от смеха, так что из него чуть ящики не вывалились, стул задрыгал ногами, вся посуда забренчала, а кукушка от радости сорок раз прокуковала свое «ку-ку!»

Вот как им понравилась сказочка!

Они принялись готовить Карабасу веселую встречу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

о смелых парашютистах и разумной пионерке

В это время на соседней улице, в садике перед школой, сидела девочка. Ее звали Майя. Ей было одиннадцать лет, и она была пионеркой.

Она читала сказку А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» и ужасно сердилась на Карабаса.

— Вот гадкий драчун! Попал бы он к нам в школу, уж мы бы ему показали! Уж мы бы отобрали у него плетку! Ух, какой противный!

Майя была кулаком по картинке, где был нарисован Карабас, и читала дальше. А когда она перелистывала страницу и поглядывала вокруг, она видела белое облако в голубом небе, блестящие окна новой школы и зеленую лужайку с клумбой цветов.

Эти цветы юннаты сами высадили сегодня в черную, рыхлую

землю. У Майи ногти стали совсем черные, да так и не отмылись. Ничего — отмоются! Зато какая клумба красивая!

По краю растут бело-розовые маргаритки, а посерединке — анютины глазки, темные, фиолетовые и светло-сиреневые, перемешаны, как лоскутки бархата! А на верхушке клумбы посажен пион. Он еще только набирает цвет. На высоком стебле тугой атласный шарик. Это бутон. Придет время — раскроется пион, пышный, розовый!

Только бы не сломал его кто-нибудь!

Майя читала сказку и нет-нет да поглядывала на клумбу. И вот ей захотелось, чтобы в пришкольном садике случилось что-нибудь волшебное. Чтобы Буратино и Пьеро выбежали со смехом на зеленую лужайку! Чтобы пудель Артемон погнался за белой бабочкой! Или чтобы маленькая Мальвина в розовом платьице подошла к пиону и, встав на цыпочки, поглядела бы на тугой бутон!

Вдруг что-то зажужжало, застрекотало вдали, и послышался серебристый звон. Словно большая стрекоза, трепеща крылышками, летела над лужайкой. Все ближе, все громче

стрекотание, и видит Майя — над школьной крышей летит серебряный самолетик. Обогнул верхушки лип, летит над садиком... Майя вскочила, прикрыла глаза от солнца.

— Неужто это наши авиамоделисты такой самолетик запустили? Ну и молодцы! Как он высоко летит, как долго держится в воздухе!

Вдруг на крыло самолетика вышли два летчика.

— Ах! Это не модель! — вскрикнула Майя и выронила книжку. — Это настоящий маленький самолетик!

И вот летчики спрыгнули с крыла... Тотчас же над ними раскрылись радужные парашютики. Они плавно поплыли вниз. Все ниже плывут, все ближе... Теперь можно разглядеть летчиков. Один — черный, курчавый, и хвост болтается по воздуху. Другой в красной курточке, худой, ножки как спички...

Дунул ветер и понес летчиков прямо на цветочную клумбу.

— Они сломают наш пион! — крикнула Майя и бросилась к цветам. И тотчас же остановилась. Ей стало стыдно.

«Пускай сломают, лишь бы сами не расшиблись!» — подумала она.

А летчики упали прямо в анютины глазки. Один парашютик застрял в листе пиона, а другой еще летел над землей, таща за собой маленького человечка.

— Нужно поскорее отцепить парашют! А то летчики пострадают! — решила Майя. Она подбежала к цветам, поймала оба парашютика и оборвала на них все веревочки.

Маленький человечек в красной куртке сидел посреди анютиных глазок, протянув ножки, и вертел носом во все стороны. А перед ним стоял черный пудель и тыкал его мордой в ухо, будто спрашивал:

— Ты не ушибся?

Майя взглянула на них и засмеялась от радости.

— Это Буратино! А это пудель Артемон! Я только что про вас читала! — сказала она.

Буратино вскочил на ноги и приподнял свой желтый колпачок.

— Вы совершенно правы, благосклонная принцесса! Это мы! Но скажите нам, пожалуйста, как зовется ваше королевство? Мы сбились с дороги и не знаем, куда залетели?

Тут Майя расхохоталась.

— Да откуда вы взяли, что я принцесса? Я совсем простая де-

вочка. Меня зовут Майя. У нас ни принцесс, ни королей и в помине нет!

Пудель радостно взвизгнул, но Буратино дернул его за ухо — молчи! — и покосился глазами на новую школу.

— А разве это не дворец? Разве это не королевский цветник?

— Да нет же, это наша новая школа! — сказала Майя. — Я в ней учусь. У нас в Ленинграде много новых школ. А цветы мы сами высадили сегодня на грядку. Пожалуйста, сойдите на дорожку, если вы не ушиблись. А то анютины глазки помнутся!

Тут Буратино и Артемон соскочили на дорожку и принялись прыгать и плясать как безумные. Они так подкидывали ноги и вертели головами, так весело визжали, что сразу было видно — ничуть они не ушиблись!

Буратино кричал:

— Как я рад, как я рад, —
Значит, это Ленинград!

А пудель просто завывал от восторга. Майя уселась на траву и хохотала, глядя на них. Потом они бросились к ней. Пудель лизнул ее в щеку, Буратино обнял ее шею своими деревянными ручками и сказал:

— Мне очень нравится в Ленинграде!

— Вот и хорошо! — сказала Майя. — Только знаете что? Давайте говорить друг другу «ты». А то, когда я говорю «вы», мне все кажется, что я отвечаю урок учителю!

— Прекрасно придумано! — крикнул Буратино. — Скажи, Майя, ты не видела здесь нашу Мальвину?

— Ой! — воскликнула Майя. — Где Мальвина? Я так хочу с ней познакомиться! И с Пьеро и с папой Карло тоже! Где они?

Она оглянулась — не идут ли по садику друзья Буратино? Но вокруг никого не было.

Только две бабочки вились над маргаритками, да вдалеке, против ворот школы, какой-то толстяк в шляпе трубой читал газету.

— Где же Мальвина? — повторила Майя.

— В том-то и дело, что мы не знаем, где она. погоди, Майя, я расскажу тебе все по порядку!

Буратино уселся на траве, протянул ножки, прислонился к курчавой спине Артемона и стал рассказывать. Пудель помаргивал глазами, кивал головой, повизгивал, словно говорил:

— Вот, вот, так оно и было!

Едва Буратино рассказал о том, как тарабарские врачи отказались лечить папу Карло, Майя вскочила на ноги.

— Идем, идем скорее в «Скорую помощь»! Позовем доктора к папе Карло! У нас врачи лечат бесплатно! Идем! Если человек заболел, нельзя терять ни минуты!

Она подняла с травы свою книгу, сунула ее под мышку и быстро зашагала к воротам. Буратино и Артемон бежали за ней вприпрыжку. Она говорила на ходу:

— У нас врачи хорошие! Они выезжают в автомобилях и вылетают на самолетах чуть ли не на край света — за Полярный круг! Только бы помочь больному! Они не посмотрят, что Тарабарская страна далеко. Вы скажите им адрес, и они тотчас же поедут к папе Карло!

Они подошли к воротам. Там все еще сидел толстяк и читал газету. Желтый чемоданчик стоял на земле у его ног.

И вот, едва Майя и ее новые друзья вышли на улицу, толстяк вскочил, отшвырнул газету и растопырил руки.

— Карабас! — вскрикнул Буратино и, не успев шагнуть, замер с одной ногой в воздухе.

Артемон оцетинился, а Майя невольно попятилась. Живой Карабас был еще страшнее, еще противнее, чем на картинке! Глаза злые, налитые кровью, нос лиловый, как слива, борода огромная, грязная, вся в клочьях!

— Да-с! Карабас! Своей собственной персоной! — сказал Карабас хриплым голосом. — Где же ты пропадал, дружок Буратино? И не стыдно тебе убегать от хозяина? Ай-яй-яй!

Тут он ощерил свои противные, гнилые зубы, нагнулся и схватил Буратино поперек туловища.

— Пусти! — крикнул Буратино. — Ты мне не хозяин!

— Пустите его! Маленьких нельзя обижать! — крикнула Майя. Карабас только захохотал.

— Как это «нельзя»? Вот захотел — значит, можно! — Он раскрыл чемодан и стал заталкивать в него Буратино.

— Ой-ой-ой! — кричал Буратино, вертясь, как волчок, отбиваясь ногами и руками. Майя хватала Карабаса за руки. Артемон вцепился в рукав злодея и трепал его что было мочи. Но ничто не помогло! Карабас затолкнул Буратино в чемодан!

— Помоги, Майя! — крикнул Буратино в последний раз, и замок защелкнулся у него над головой.

Майя дернула чемодан к себе.

— Выпусти его, Карабас! Выпусти сейчас же! Ты не имеешь права его запирать!

— Прочь с дороги, девчонка! — заревел Карабас и оттолкнул Майю так, что она упала на мостовую, а потом пнул пуделя своим сапожищем.

Артемон, визжа, покатился на землю. Тогда Карабас подхватил чемодан и большими шагами пустился наутек. Только его и видели!

Майя сидела на мостовой и рассматривала свою руку. Она рассекла ладонь об острый камень. Из глубокой рваной ссадины сочилась кровь. Девочка завязала руку носовым платком и хотела встать на ноги. Но тут оказалось, что колено у нее тоже разбито: кожа как теркой содрана.

Артемон подошел, припадая на одну лапу, и ткнулся мордой в ее плечо.

— Тебе больно, Майя?

— Это ничего, что больно! — сказала Майя и встала. — Нет, зачем он утащил Буратино? Нужно поскорее освободить мальчика! А то он задохнется в чемодане!

Майя подняла с земли книжку и позвала пуделя. Прихрамывая и ковыляя, они пошли по улице. Далеко на перекрестке виднелся милиционер.

— Давай расскажем ему все! — сказала Майя.

Пудель завилял хвостом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

о том, как Карабас сражался с вещами

Карабас вспотел и запыхался от бега. Отдуваясь, ввалился он в квартиру Марьи Ивановны. Поставил чемодан на пол и чуть-чуть приоткрыл щелку.

— Ау, дружок Буратино! Хорошо ли тебе там? Вот погоди, я тебя в бараний рог согну! Станешь ты у меня послушным, шелковым...

— Не стану! — крикнул Буратино. — Я от тебя убегу!

Тут Карабас захлопнул чемодан и даже уселся на него сам, чтобы Буратино не выскочил.

Вдруг он вытаращил глаза от удивления. Лисы нет дома, а в квартире все прибрано. Стулья стоят на местах, цветы красуются на окошке, а на столе — заманчивый завтрак: горячая яичница на сковороде, белые румяные булочки, свежий кофе, а в графине — чистая холодная вода!

Все это приготовила Мусенька. Ведь кошки любят похозяйничать, когда никого нет дома! Теперь Мусенька сидела на шкафу и поглядывала на Карабаса из-за шляпной коробки. Глазки у нее были как зеленые огоньки.

Карабасу захотелось есть. Он сунул чемодан в угол, а сам шагнул к столу и уселся в кресло.

Да как вскочит, да как заорет «ооох!» — будто его ужалила змея.

Но это была не змея, а простая обеденная вилка с острыми зубьями. Она лежала на кресле, спрятавшись в чехол. Она-то и уколола Карабаса.

Карабас зарычал и швырнул вилку на пол. Она звякнула, будто рассмеялась, а кукушка выглянула из своего домика и сказала:

— Ку-ку!

— Фу, черт! — проворчал Карабас.

Ему захотелось выпить холодной воды. Но едва он нагнул графин над стаканом, вода брызнула ему в нос, облила щеки и бороду, потекла за шиворот... А графин со стаканом давай приплясывать!

Снова выглянула кукушка и сказала:

— Ку-ку!

— Эй, перестань куковать! — обозлился Карабас. — Вот я тебя!

Он схватил салфетку и стал вытирать бороду. Но из салфетки выскочила круглая тяжеленькая ложка и так стукнула его по лбу, что искры из глаз посыпались!

Опять выглянула кукушка и в третий раз сказала:

— Ку-ку!

Что тут началось! Кофейник, чашки, тарелки — все завертелось, запрыгало, забренчало на столе. Булки взлетели, как птицы, прямо на голову Карабасу и давай его шлепать по макушке, по носу, по щекам своими пухлыми боками! А яичница отделилась от сковородки, извернулась да как бросится ему в лицо и сразу залепила нос, и рот, и глаза!

Без памяти вскочил Карабас и кинулся к двери. Но тут со шкафа прыгнул ему на плечи черный, страшный зверь с горящими глазами и вцепился когтями в затылок!

Карабас повалился с ног. Он зажмурил глаза, заткнул уши, лежал на пороге и выл от страха!

А вещи ликовали. Стулья прыгали чуть ли не до потолка, шкаф хлопал дверцами, кукушка куковала, а обеденный ножик сорвался со стола, поскакал в угол и с треском распорол бок чемодана! Буратино вылез на волю, завертелся от радости и крикнул:

— Я говорил, что убегу!

Карабас потянулся было его схватить, но Мусенька оцетинилась, выгнула спину и так фыркнула ему в лицо, что он опять завопил от страха и упал ничком на пол!

— Сюда, Буратино! К нам, Буратино! Миленький Буратино! — пели цветочки герани. — Вылезай в окно, беги по крыше, он тебя не догонит!

— Спасибо за совет! — крикнул Буратино и полез на подоконник.

— Я тебя провожу! — сказала Мусенька, вспрыгнула на окно и протянула лапку, чтобы помочь ему влезть.

— Скорее! Торопитесь! — закричали вещи со всех сторон. — Кто-то поднимается по лестнице! Кто-то подошел к двери!

Буратино и Мусенька вылезли в окно на крышу. Вдруг в передней негромко и ласково щелкнул замок. Вошла лиса, вся обвешанная коробками, пакетами, и споткнулась на пороге. Карабас лежал на полу и стонал:

— Буратино... Лови Буратино... Он на крыше...

Лиса бросила свои пакеты и, как молния, метнулась к окошку. Буратино был уже у трубы, перелезал через гребень крыши. Мусенька прыгнула в чердачное окно — только хвост мелькнул в воздухе.

Ведь даже самая умная кошка не справится с лисой!

Лиса схватила Буратино и притащила его обратно в комнату. Потом оборвала шнур у оконной занавески, крепко-накрепко обмотала мальчика шнуром и бросила его в кресло.

Так он лежал связанный и не мог пошевелиться. Только вертел носом во все стороны и шептал:

— Помогите, вещи!

Но вещи совсем притихли. Лиса любила порядок, и вещи ее слушались. Лиса подошла к Карабасу, уперлась лапками в бок и спросила:

— Что это значит?

— Ох! — всхлипнул Карабас и поднял свою страшную рожу.

— Что это значит? Я вас спрашиваю, синьор Карабас? — рассердилась лиса. — Стоило мне уйти на полчаса, как вы натворили глупостей!

— Они на меня напали! Они меня изувечили! — хныкал Карабас.

Он рассказал лисе, как было дело.

— Хорош герой! Булок испугался! — фыркнула лиса и повела его умываться.

А бедный Буратино лежал в кресле, весь обмотанный шнурком, как катушка ниткой! Мусенька опять подкралась к окну и подмигнула ему из-за цветочных горшков.

— Беги скорей! Беги на крышу! Я тебя провожу!

Но Буратино не мог пошевелить ни ручкой, ни ножкой. Он лежал и думал, что с ним дальше будет.

Карабас умылся и расчесал бороду. У него весь страх прошел. Он злобно поглядывал вокруг.

И вот, когда захрипели часики, раскрылся узорный домик и кукушка собралась трижды сказать «ку-ку», потому что было уже три часа, Карабас подскочил к часам.

Он с силой дернул гирьки и выломал маятник. Часы звякнули со стоном. В них порвалась пружинка. Кукушка скрипнула и замерла, скосившись набок.

— Больше не покукуешь! — сказал Карабас и швырнул маятник в угол.

Потом он подошел к креслу, где лежал Буратино, и щелкнул мальчика по носу.

— Хо-хо! Недалеко же ты, дружок, убежал! А вот, чтобы тебе больше не бегать, я сейчас и голову, и ручки, и ножки тебе отрежу! Эй, лиса! Поддай сюда ножик!

Лиса принесла ему большой нож. Он стал точить нож о подол, поплевывал на него, пробовал лезвие пальцем и приговаривал:

— Положим мы голову в одну коробочку, ножки — в другую, ручки — в третью! И так отвезем Буратино домой! А когда он станет послушным, шелковым, можно будет его собрать и пустить побегать!

Буратино лежал ни жив ни мертв. Только слезы капали у него из глаз. Вот лиса взяла мальчика в лапы и подала Карабасу. Вот Карабас занес нож...

Вдруг в передней раздался звонок, да такой звонкий и веселый, что чашки на столе задребезжали в ответ.

Карабас опустил руку с ножом.

— Ну, кто там еще? Сходи погляди, лиса!

Лиса бросила Буратино и побежала к дверям.

— Здесь живет Карабас? — спросил громкий, ясный голос.

— Здесь! — ответила лиса. — Но его, к сожалению, нет дома!

— Ррр... Гав, гав, гав! — послышался сердитый собачий лай, а тонкий голосок — голосок девочки — крикнул:

— Да вон же он стоит у окна! Он самый... И борода такая, как на картинке!

— Майя! Артемон! — завопил Буратино что было мочи.

Майя и Артемон ворвались в комнату, оттолкнув лису. Майя схватила Буратино на руки и принялась распутывать его ножки.

— Как они тебя скрутили, злые, негодные! Ах ты бедненький мой.

Пудель лизал деревянное личико Буратино. Тот плакал и смеялся от радости. А перед Карабасом стоял милиционер. Он был стройный, ясноглазый и такой простой, что каждому при взгляде на него казалось: мы с ним век знакомы!

Но Карабас нагнул голову, как бык, вытаращил свои злые глаза и рявкнул:

— Что вам нужно? Ступайте вон!

Он уже забыл, что только что валялся на полу и выл от страха... Он опять хорохорился, как индюк.

«Ну и морда!» — подумал милиционер, и ему захотелось плюнуть. Но он был очень воспитанный. Он взял под козырек и сказал:

— Гражданин Карабас, предъявите ваш паспорт!

— Вот еще! — крикнул Карабас. — Да вы знаете, кто я такой? Он надулся так, что каждый волосок в его бороде встал дыбом. Но милиционер и глазом не моргнул.

— Кто бы вы ни были, хоть и самый замечательный человек на свете, вы обязаны предъявить мне паспорт. Такой у нас порядок!

— Да вы что? — заорал Карабас. — Да я вас в порошок сотру! Духу вашего здесь не останется, ворон костей не соберет! Вон отсюда, пока цел!

Он заложил руки за спину и боком пошел на милиционера, страшный, противный, весь в клочьях сизой бороды! Бывало, тарабарские жители падали замертво, увидев такое чудище! Майя присела на корточки, прижимая к себе Буратино, пудель поджал хвост и дрожал. А милиционер и ухом не повел.

— Не расстраивайтесь, гражданин. Вам это вредно. Вон вы как покраснели! Давайте сюда ваш паспорт. Мне некогда.

— Ааа! — заорал Карабас и, подняв кулачищи, бросился на милиционера. Но тут лиса схватила его за фалды и сильно дернула назад. Он шлепнулся в кресло — да так, что пятки взлетели кверху!

— Вы с ума сошли! — шепнула ему лиса. — Скорей покажите ему паспорт. А то он заберет нас в милицию. Тогда мы пропали!

— Да что ты? — испугался Карабас и стал доставать из кармана свой паспорт. А лиса заюлила перед милиционером:

— Уж вы извините, ради бога. Господин Карабас такой нервный, такой впечатлительный!

— Пожалуйста, — сказал милиционер. — А не дать ли ему валерьянки? Накапайте ему двадцать капель! — Он вынул карманную аптечку и подал лисе блестящий коричневый пузырек с розовой пробкой. А сам взял паспорт из рук Карабаса и прочел: — «Карабас-Барабас Огромная Борода, подданный тарабарского короля, директор кукольного театра... Приехал в Ленинград...» Ну, паспорт в порядке!

— А то как же? — захныкал Карабас. — И чего вы ко мне пристали, я не знаю!

— А я знаю, — ответил милиционер. — Мне нужно задать вам один вопрос. Скажите, у вас в Тарабарской стране позволяется бить детей или толкать их так, чтобы они падали и расшибались?

— Это смотря по тому, каких детей... — сказал Карабас. — Бед-

ных ребят можно толкать, а богатых деток не тронь! За это тебе попадет!

— Вон как! Хороши же у вас порядки, нечего сказать! — ответил милиционер. — А вот у нас ничьих детей, понимаете, — ничьих, нельзя ни бить, ни толкать! А чтобы вы это запомнили, вот вам повестка... Придите в милицию. С вами наш начальник поговорит!

Он протянул повестку, но Карабас ее не взял.

— Да разве эта девочка — принцесса или графиня? Стану я из-за нее в милицию ходить? Ни за что! Никогда!

— Это совсем простая девочка! — сказал милиционер. — Вы ее ушибли — вас требуют в милицию, вот и все!

— Не пойду! Не пойду! — закричал Карабас не своим голосом, задрожал от злобы и, как сломанная кукла, опять повалился в кресло.

— Да что он у вас — припадочный, что ли? — спросил милиционер. — Приведите его в милицию. Там разберут, больной он или просто хулиган! А если не приведете, ему же хуже будет!

Лиса протянула лапу, чтобы взять повестку, а милиционер посмотрел на ее зеленые перчатки, спросил:

— А не вас ли, гражданка, собака покусала на набережной?

— Нет, нет! — крикнула лиса. — Не меня! Другую барышню, совсем другую!

— Да как же другую? — Милиционер вынул записную книжку и прочел: — «Маленькая барышня в клетчатом картузе, волосы рыжие, роговые очки, на руках зеленые перчатки... покусана собакой, необходимо сделать прививку...» Сообщили очевидцы. Вы сделали себе прививку?

Тут уж лиса принялась дрожать, как осиновый лист.

— Нет! Нет! Нет! — бормотала она. — Не надо прививки! Я никуда не пойду!

— А не пойдете, так я к вам врача на дом направлю! Адрес известен, — сказал милиционер. — А вы пока пейте валерьянку и ведите себя как сознательные граждане. Идем, Майя!

Он пошел к дверям, Майя побежала за ним с Буратино на руках, Артемон бросился за ней.

— Погодите! — прохрипел Карабас. — Пускай девчонка отдаст куклу! Это наша кукла!

А лиса подхватила:

— Да, да! Зачем девочка взяла нашу куклу?

— Майя! — сказал милиционер и строго посмотрел на нее. — Чья это кукла?

— Да это вовсе не кукла! Это живой мальчик — Буратино! Мы с ним шли в «Скорую помощь», когда Карабас на нас напал... Ведь папа Карло болен...

— Постой, постой... — сказал милиционер. — Ты отвечай прямо. Чья это кукла?

— Наша! — крикнула лиса. — Это девчонка все выдумала! Не верьте ей!

— Нет, не выдумала, не выдумала! — сказала Майя и спустила

Буратино на пол.— Это мальчик не ваш, а папы Карло! Он его сам сделал. В книжке все про это написано. И вот Карабас на картинке!

Она раскрыла «Золотой ключик» и показала картинку милиционеру.

— Это сказка! — заорал Карабас.— Это писатели сочинили! А на самом деле Буратино — кукла, а не живой мальчик! Моя кукла!

И вдруг Буратино затопал ножками по полу, подошел к милиционеру и сказал:

— Да нет же, я живая кукла, дяденька! Не верь ему!

Милиционер даже попятился. Никогда он не видел живых кукол! Он присел на корточки и спросил:

— Ты чей же такой?

— Папин! — сказал Буратино.— Мой папа Карло! А Карабас мне не хозяин! Я от него убегу.

— Ах ты хват! — рассмеялся милиционер.— Не хочешь служить у Карабаса — твоя воля! Ступай, куда пожелаешь! А вы, граждане, не имеете права его задерживать!

Буратино подпрыгнул на руки Майе, и они с Артемоном выбежали за дверь. Милиционер пошел за ними, оставив Карабаса и лису в страхе и в досаде.

— Дождались,— простонал Карабас.— И Буратино улизнул, и меня в милицию требуют! Заварилась каша!

— А все ваша борода! — огрызнулась лиса.— Не будь бороды, девчонка вас не узнала бы! Здесь все школьники читали сказку «Золотой ключик»! Как увидят вашу бороду, нипочем вам кукол не отдадут!

— Так обрежь ты мне ее, окаянную! — заревел Карабас.— Приедем домой в Тарабарскую страну, я ее опять отращу! А здесь с бородой — одно мученье!

— Давно бы так! — сказала лиса.— Кстати, я вам новый костюм купила! Переоденьтесь, обрежьте бороду,— никто вас не узнает!

Она достала ножницы и принялась стричь бороду Карабасу. Вдруг он хлопнул себя по лбу.

— О-о-о! Какой же я дурак! Я совсем забыл про Пьеро! Бросай ножницы, беги за ним,— может быть, успеешь его захватить!

— Куда бежать-то? — взвизгнула лиса.

— А вот куда...

Не прошло и минуты, как лиса уже бежала по улице хвост трубой, а Карабас сидел перед зеркальцем Марьи Ивановны и, охая и кривясь, сам кромсал ножницами свою клочковатую бороду.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

о том, чьи следы были на футбольном поле

А где же, в самом деле, был Пьеро? Куда девался серебряный самолетик?

Когда парашютисты прыгнули в анютины глазки, Пьеро повел свой самолетик дальше — мимо кудрявых лип, мимо столбов для качелей — на большое открытое место. Это было футбольное поле, лежавшее за школьным садом.

Пьеро пролетел над полем и опустился в дальнем углу у высокого серого забора. Тут мальчик должен был ждать своих товарищей. Так у них было условлено.

Он вылез из кабины, размял усталые ножки и огляделся. Под забором росли лопухи и крапива. Дальше были густые темно-зеленые кусты сирени с лиловыми бутонами на верхушках.

Кругом никого не было. Только маленькие мошки танцевали над крапивой в солнечных лучах да на листе лопуха сидела важная серая улитка. Она вытянула свои рожки и удивленно поглядела на неожиданного гостя.

Пьеро снял свой колпачок и поклонился ей и мошкам.

— Какой он вежливый! — тоненько запели мошки.

А улитка промолчала, но по всему было видно, что она довольна.

Тогда Пьеро принялся за работу. Он осмотрел свой самолетик. Все было в исправности, только на крыльях виднелись пятна грязи да зеленая надпись «Театр Буратино» кое-где облупилась. Ведь летчики попали в бурю на Балтийском море. Их здорово потрепало. Одну ночь они ночевали на болоте.

Пьеро достал тряпочку и обтер грязь с серебряных крыльев. Потом вырвал пучок травы, протер надпись, подзеленил буквы. Потом смазал маслом все колесики самолета. Самолетик заблестел как новенький — хоть сейчас лети обратно!

Пьеро устал, ему стало жарко. Важная улитка спряталась в свой домик и уснула на солнечном припеке. Пьеро растянулся на крыле самолета, подложив под голову свой колпачок. Над ним было голубое небо, в небе качалась ветка сирени с острой лиловой верхушкой.

«Хорошо бы сочинить про нее стишки!» — подумал Пьеро и заснул.

Прошел час, прошел другой. Мальчик все спал. Он не слышал, как по ту сторону забора раздались легкие поспешные шаги. Кто-то бежал, останавливался, заглядывал в щели между досками и бежал дальше. Это была лиса. Карабас сказал ей, что Пьеро пролетел на футбольное поле. Она побоялась пройти через школьный садик — вдруг она встретит Майю и Артемона и они опять поднимут шум? Она бежала по улице вдоль забора и искала лазейку в сад.

И вот ей показалось, что одна доска в заборе чуть-чуть отстала. Крепко схватила она ее лапами и дернула к себе. Затрещало дерево, скрипнули ржавые гвозди, доска оторвалась. Лиса протиснулась в щель. За забором были кусты репейника. Она пролезла сквозь них и остановилась.

Перед ней лежало широкое футбольное поле. Далеко на краю поля виднелся серебряный самолетик. Белая фигурка лежала на его крыле.

— Это Пьеро! Вот бы схватить его сейчас! Скорее, скорее, пока никого нет!

Лиса скинула туфельки, чтобы легче было бежать, сунула их в карман и на всех четырех лапах пустилась через поле. Ее узкая сиреневая тень бежала за ней по рыхлому песку.

А Пьеро спал и не просыпался. Ему снилось, что они все прилетели домой и гуляют с папой Карло по зеленой канаве. Цветут

одуванчики, блестит осколок стекла, серый кузнечик стрекочет веселую песенку... Пьеро улыбался во сне. Вдруг он услышал над самым ухом тоненькие голоса:

— Проснись, проснись! Сюда бежит кто-то недобрый.

Это пели мошки, танцуя над его головой.

— Проснись, проснись! Спасайся, беги! — звенели мошки.

Но Пьеро не просыпался, а лиса была уже совсем близко! Тогда одна маленькая мошка залетела в нос Пьеро и пощекотала ему ноздрю. Он громко чихнул, открыл глаза и сел.

Над ним в голубом небе качалась ветка сирени с лиловой верхушкой. А перед ним на земле стояла маленькая барышня в клетчатом картузе и странно смотрела на него сквозь роговые очки.

И вдруг розовое личико барышни отвернулось в сторону, из-под него выглянула страшная, оскаленная морда, и знакомый голос сказал:

— Здравствуй, Пьеро, голубчик! Давненько мы с тобой не виделись!

— Лиса! — вскрикнул Пьеро, и сон вылетел у него из головы.

— Нет, Друг, не просись! Все равно я тебя никуда не возьму! Сиди дома! — говорил каждое утро хозяин Друга, выходя из квартиры и запирая за собой дверь.

А Друг скулил, царапал дверь лапами и просился гулять. С тех пор как он бросился на маленькую гражданку, хозяин не брал его с собой на улицу. Хозяин Друга, доктор Николай Иванович, много ходил по городу. Он следил за здоровьем школьников. Он бывал в разных школах, справлялся, кто из школьников болен, хорошо ли его лечат и какие ему дают лекарства. И сам лечил их всех.

В тот день, когда серебряный самолетик пролетел над крышей школы, Николай Иванович пришел в эту самую школу, оставив Друга дома. Он сидел в учительской и разговаривал с директором. Приближалось лето. Пора было отправлять детей в пионерский лагерь. Об этом они и беседовали.

Окно учительской выходило на улицу. Мимо двигались трамваи, спешили грузовики, их обгоняли юркие велосипедисты. Прохожие шли деловитым шагом.

Вдруг Николай Иванович увидел, что по улице едет подвода с цветами в горшках и, пропуская эту подводу, на мостовой стоит маленькая гражданка в клетчатом картузе.

Николай Иванович встал и подошел к окну. Подвода проехала, маленькая гражданка перебежала улицу и быстро-быстро зашагала по панели мимо школьных окон.

— Это она! — сказал Николай Иванович. — Та самая гражданка, которую покусал Друг! Я должен справиться о ее здоровье!

Он простился с директором, взял шляпу и вышел на улицу. Гражданка была уже далеко. Она не шла, а бежала вдоль забора. Вот она скрылась за углом, свернула в переулок.

Николай Иванович прибавил шагу. Он тоже повернул за угол, но гражданки уже не было в переулке. Куда же она девалась? Николай Иванович пошел вдоль забора. Он увидел оторванную доску. Неужели гражданка пробралась в сад сквозь эту лазейку?

На шершавой перекладине забора, на ржавых гвоздях и на колючках репейника висели клочки рыжей шерсти. Ветерок шевелил рыжие волосы.

«Как это странно!» — подумал Николай Иванович и тоже пролез в щель.

Перед ним лежало освещенное солнцем футбольное поле. На

рыхлой земле виднелись ясные, отчетливые следы — не чело-вечьи, не собачьи...

— Лисьи следы! — воскликнул Николай Иванович и даже вытер лоб платком. — Откуда здесь лисьи следы? Как жаль, что я не взял с собой Друга!

Вдруг он услышал собачий лай, отчаянный, визгливый. Какой-то пес на другом краю поля надрывал глотку, задышался от злости, — казалось, хотел перекусить горло обидчику.

Лай слышался из-за кустов сирени. Николай Иванович быстрым шагом перешел поле и заглянул в кусты. И вот что он увидел!

Маленькая гражданка висела на заборе, прицепившись к нему ручками, и отбивалась ногами от девочки в пионерском галстуке! А девочка крепко держала ее за полу пальто, тащила вниз с забора и кричала:

— Отдай! Отдай! Отдай!

Длинная ветка сирени раскачивалась на кусте сама собой и хлестала гражданку по голове. А на ветке сидела кукла в желтом колпачке и в красной курточке! Черный пудель прыгал тут же под забором, лаял, рычал, старался укусить гражданку!

Все были так заняты друг другом, что не заметили Николая Ивановича.

Вот пудель подскочил и схватил гражданку зубами за ногу...

— Назад! — крикнул Николай Иванович, шагнул к забору и дернул пуделя за ошейник. Гражданка оглянулась на него, вскрикнула «ах!» и выронила изо рта куклу в белом балахончике... Кукла полетела вниз головой в крапиву.

— Пьеро! — закричала девочка. — Миленький Пьеро! — и выпустила из рук пальто гражданки.

Тут гражданка вскинула ноги на забор. Что-то рыжее мелькнуло в воздухе, ни дать ни взять — лисий хвост! В тот же миг гражданка перемахнула через забор. И была такова!

— Эй, эй! — крикнул Николай Иванович. — Куда вы спешите? Скажите, как вы себя чувствуете? Сделали вам прививку?

Он подбежал к забору, схватился за перекладину, подтянулся и выглянул на улицу. Гражданка убегала опрометью, неслась как вихрь и ничего не слышала. Разве ее догонишь? Ее и след простыл.

— Что за оказия! — сказал Николай Иванович и спрыгнул на землю.

Девочка сидела в траве, держа на коленях кукол, одну в белом балахончике, другую в красной курточке. Она целовала их и приговаривала:

— Ах вы бедные мои! Ах вы маленькие мои!

А черный пудель ласково повизгивал и тыкал курчавой мордой их всех по очереди.

Николай Иванович узнал девочку: это была пионерка Майя. Зимой у нее болело горло и он прописывал ей полоскание. Теперь на руках Майи горели красные пятна и виднелись белые пузыри. Она обожгла руки, когда доставала куклу из крапивы.

— Ступай скорей в школу, к медицинской сестре! — сказал Николай Иванович. — Она даст тебе мазь от ожогов. Нужно смазать тебе руки.

— Мне некогда! — сказала Майя и вскочила на ноги. — А хорошо, что вы ее прогнали! Она хотела украсть Пьеро. Подумайте, она его в зубах тащила! И даже воротник ему разорвала!

— Но кто она такая? Ты ее знаешь? — спросил Николай Иванович.

— Да ведь это лиса, лиса Алиса! Они с Карабасом хотят украсть кукол у папы Карло и гоняются за ними по всему городу! Того и гляди утащат!

— Ничего не понимаю! — сказал Николай Иванович. — Расскажи толком, что тут у вас случилось?

— А вот что! Мы с Буратино пошли разыскивать Пьеро. Приходим — самолетик лежит под лопухами, и крыло у него отломано. А Пьеро нигде нет! И вдруг слышим — он кричит тоненько: «Спасите!» Артемон бросился в кусты, а мы за ним. А лиса уже через забор лезет и Пьеро в зубах держит. Вот мы и бросились его спасать. А вы ее здорово напугали. Так ей и надо!

Тут Майя подбежала к сломанному самолетику, взяла его под мышку и, подхватив своих кукол, пустилась бегом через поле в школьный сад.

— Майя! Майя! — крикнул Николай Иванович. — погоди! Я все-таки ничего не понял!

Майя оглянута на бегу.

— Мне некогда! Прочитайте сказку Толстого «Буратино, или Золотой ключик»! Там все описано!

И она скрылась за деревьями.

— Странная девочка! — сказал Николай Иванович. — Она читалась сказок и теперь видит сны наяву! Но эта гражданка в клетчатом картузе еще страннее! Зачем ей, взрослому человеку, понадобилась эта кукла? Почему она лезет через забор, а не ходит, как все, в калитку? Подозрительная личность. Пожалуй, Друг был прав, когда хотел ее задержать!

Николай Иванович пошел в школу и сказал завхозу, что нужно заколотить дыру в заборе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

о том, что случилось ночью в игрушечном ларьке

В Ленинграде есть старый каменный рынок, двухэтажный, сводчатый, с полутемными лестницами и переходами. В нем всегда прохладно, даже в июльский зной. Зимой холод прячется там в тени за каменными столбами и живет в рынке круглый год.

Построен этот рынок давным-давно — при царе Горохе. Бывало, прохаживались здесь барыни в чепцах с лентами, в бархатных са-

лопчиках. За каждой семенил лакей или крепостная девушка с корзиной для покупок. Бывало, гремели здесь шпорами гвардейские офицеры в золоченых погонах, одним надменным взглядом заставляя расступиться простой люд.

Пузатые купчихи кланялись им из-за прилавка:

— Ко мне, барин! Ко мне, барыня! У меня лучше, у меня дешевле — для почину, для вас! У меня все, что вашей душеньке угодно!

И хватали прохожих за полы.

А потом, зазвав в свою лавку, обмеривали, обвешивали, обжуливали покупателей по пословице «Не обманешь — не продашь!». И по ночам видели во сне груды нажитых денег. И за барыш продавали все: и отца родного, и детей, и самого себя, и свою честь и совесть!

Все это было и прошло.

Правда, рынок стоит по-прежнему, но покупатели теперь совсем другие, продавцы и вовсе не похожи на прежних купчиков. Никто здесь не задирает нос и не сгибается в услужливых поклонах. Все — равные граждане нашей страны.

День-деньской снует по рынку деловитая, оживленная толпа. Чего только нет в нарядных магазинах! Тут радиоприемники, там платья, книжки, краски, карандаши.

А на втором этаже есть ларек, весь увешанный игрушками. Этот товар — яркий, пестрый, блестящий. Он так и сияет издали между серых каменных стен. Так и ждешь, что тут случится что-нибудь волшебное!

Торгует в ларьке седая румяная гражданка в сереньком свитере. Все ребята в околотке зовут ее бабушка Дуня.

Подойдешь к ларьку — с деньгами или без денег, — бабушка Дуня выложит на прилавок свои сокровища: заведет автомобиль, пустит бегать паровозик, сама постреляет из духового ружья, сама посмеется над чудачком, выскакивающим из коробочки! А ты смотри, забавляйся, только не сломай ничего!

И переводные картинки, купленные у бабушки Дуни, лучше всех других переводятся на бумагу — без пятнышка, без проплешины!

В тот день, когда доктор Николай Иванович заметил в саду лисьи следы, бабушка Дуня принесла новые игрушки. Она рас-

паковала их, разложила по полкам и по коробочкам, а потом собралась домой. Время близилось к вечеру, пора было закрывать ларек.

В магазинах уже опускали железные шторы, навешивали замки на двери, и сторож протягивал между столбами рынка веревку, чтобы прохожие больше не ходили под сводами.

Вдруг послышался звонкий топот по каменным плитам, и к ларьку впопыхах подбежала девочка. Косички у нее растрепались, красный галстук сбился набок, в руках она держала кукол, а под мышкой — маленький самолет. За ней бежал черный пудель. Это была Майя с Артемоном.

— Бабушка Дуня! Почини, пожалуйста, самолет! — сказала Майя. — У него крыло отломано!

Бабушка Дуня даже руками всплеснула. Ну и самолетик! Крылья серебряные, колесики стальные, пропеллер совсем как настоящий!

— Где ты такой достала, Майя?

— Это папа Карло сделал! Почини его, бабушка, поскорее! Ведь летчикам надо будет лететь обратно!

Тут Майя посадила на прилавок Буратино и Пьеро. Они глядели на бабушку во все глаза и молчали.

Бабушка приложила к самолету отломанное крыло, осмотрела его сверху и снизу и сказала:

— Починить — дело нетрудное! Завтра утром подклею крыло, перевяжу его веревочкой, чтобы правильно подсохло, и будет ладно! — Она взглянула на мальчиков и прибавила: — Да и летчиков твоих нужно подправить. Вон у одного воротник разорван, а у другого башмака не хватает! Завтра к вечеру приготовлю. А пока пускай отдохнут, чаю напьются!

Бабушка Дуня подвинула маленькие стулья, усадила Буратино и Пьеро за чайный столик, поставила перед ними самоварчик и чашки, расписанные цветочками.

— Ой, как они уютно устроились! — сказала Майя. — Пускай посидят! Завтра вечером я за ними приду!

Буратино таращил глаза на свое отражение в самоваре. Он никогда прежде не видел ни самоваров, ни таких кривых рожниц. Пьеро, глядя на него, помирал со смеху, спрятав подбородок в свой разорванный воротник. А пудель Артемон, улучив минутку, когда

на него не смотрели, нырнул под прилавок и заполз в самый темный угол.

Майя помогла бабушке Дуне закрыть ларек ставнями. Потом они повесили на него замок и ушли. Сторож уже свистел в свисток, давая знак, что всем пора уходить из рынка.

Едва ставни закрылись, в ларьке наступила темнота. И сразу что-то зашуршало, заскрипело по углам, стало позвякивать и постукивать все громче и громче...

Пьеро и Буратино прижались друг к другу и таращили глаза. И ровно ничего не видели. А из темноты кто-то напирал на них, кто-то подталкивал под локти, кто-то дышал в лицо... Мальчикам стало жутко.

— Мужайся, Пьеро,— шептал Буратино, а сам дрожал, как травинка в бурю. Ведь самая страшная опасность — та, которую не видишь, а только чувствуешь!

И вдруг Пьеро крикнул:

— Ох! — и подскочил.

Буратино чуть не упал со стула.

— Мне наступили на ногу! — сказал Пьеро.

И тотчас же над ними раздался важный, громкий, как труба, голос:

— Эй, эй! Ребятки! Кто там озорует? Кто обижает гостей?

В ответ послышалось множество тоненьких голосков:

— Мы нечаянно! Мы нечаянно! Мы только хотели на них посмотреть поближе!

Затопали чьи-то ножки, и мальчикам стало свободнее дышать.

А трубный голос спросил:

— Где же наши фонарики? Спят они, что ли, лентяи?

— Не спим, не спим! — ответили откуда-то сверху.

Треньк! — в темноте вспыхнул огонек карманного фонарика.

А за ним зажглись еще фонарики — другой, третий, четвертый... Они лежали на полке и освещали мальчиков светлыми лучами, как маленькие прожекторы.

Пьеро и Буратино увидели вокруг себя целую толпу игрушек. Кого тут только не было! Куклы матрешки в пестрых платочках, ваньки-встаньки, плюшевые мишки, обезьянки, зайчата, лягушата и золотые рыбки. На столе возле самовара сидела, свесив ножки, Красная Шапочка, а рядом с ней, положив на стол передние лапы, стоял серый волк и вежливо улыбался. Позади сгрудились паровозы, автомобили, самолеты. А над всеми возвышался большой слон с розовой пастью и мягким хоботом.

Все смотрели на гостей блестящими, круглыми глазами.

— Мало, мало! Мало света для приема гостей! — сказал слон своим трубным голосом.

Тотчас же из высоких коробочек выскочили елочные свечи — красные, лиловые, желтые. Они выстроились на полках целыми дюжинами, облепили прилавок, взобрались на стол. И все сразу загорелись. Стало светлее, чем днем.

Игрушки заблестели и засверкали, а картонные маски принялись улыбаться во весь рот.

И вдруг посреди прилавка забил огненный фонтан! Пьеро и Буратино отшатнулись. Они думали, это извержение вулкана и сейчас все погибнут!

— Не бойтесь! — сказал слон. — Это комнатный фейерверк! Он зажегся, чтобы приветствовать гостей!

А огненный фонтан шипел, выбрасывая золотые звезды, и весело трещал:

— Привет, привет, привет!

— Привет! — закричали игрушки. Они захлопали в ладошки, зазвенели бубенчиками, стали притопывать и приплясывать. И вот чернобровая матрешка с ванькой-встанькой пустилась в пляс! А за ними завертелись, закружились, заплясали и все другие! И опять кричали: «Привет!»

Пьеро и Буратино стояли красные от смущения и только кланялись на все стороны. Шутка ли сказать, какая честь выпала им на долю!

Но вот фейерверк стал угасать, звезды падали реже и были уже не такие светлые, как сначала. Вот упала и рассыпалась последняя звезда. От фейерверка остался только красный уголек. Но и он потускнел, посерел и потух. Черный дымок поплыл по воздуху.

Игрушки уgomонились. Они уселись на прилавке в кружок и опять глядели во все глаза на Буратино и Пьеро.

— Дорогие гости! — сказал слон. — Мы слышали, что вы прилетели к нам издалека! Расскажите нам, пожалуйста, ваши приключения! Нам так хочется послушать!

У Буратино даже уши запылали и во рту пересохло от смущения. А Пьеро чуть не заплакал. Легко ли рассказывать в первый раз в таком блестящем обществе!

Вдруг над прилавком кто-то зашевелился и послышалось громкое «апчхи!».

Игрушки вздрогнули. Пламя свечей заколебалось.

— Что это?.. — пискнула Красная Шапочка.

Тут из-под прилавка выглянула черная курчавая морда; щуря заспанные глаза, она громко зевнула, открыв страшную пасть с острыми белыми клыками!

Игрушки бросились врассыпную кто куда. Обезьянки полезли на полки, зайчата вскочили в автомобили, лягушки погнали паровоз в самый дальний угол. Фанерный журавль запнулся на дороге и упал. Бежавшие спотыкались об его длинные ноги и тоже падали, крича от страха. Красная Шапочка свалилась со стола, а волк заполз под стул Пьеро, только серый хвост торчал у ног мальчика.

Один слон не растерялся, хотя и он был взволнован.

— Кто вы такой? И что вам нужно? — спросил он.

Черная морда повела на него блестящими глазами.

— Да это Артемон! — крикнул Буратино. — Это наш Артемон! Не бойтесь его. Он добрый, он самый хороший пес на свете! Он, верно, заснул под прилавком, а теперь расчихался от дыма!

— Уааа! — взвизгнул Артемон, вскочил на прилавок и разлегся на нем, как лев.

Мальчики бросились к пуделю, стали обнимать его черную голову и гладить спутанные кудряшки.

А он лизал их личики и повизгивал.

Тут игрушки развеселились. Они повылезли из своих углов и снова окружили мальчиков. Буратино больше не стеснялся. Он прислонился к мохнатой спине Артемона и начал свой рассказ.

И когда он рассказал, что папа Карло болен, свечи горько заплакали — так им стало грустно! А когда сказал про Карабаса, маски принялись строить страшные рожи и щелкать беззубыми челюстями — так они рассердились! А когда он спросил, не видел ли кто-нибудь Мальвину, не знает ли, где она, — Красная Шапочка вскочила на ноги и сказала:

— Я знаю, где Мальвина!

— Где же? Где же она? — спросили мальчики, а пудель даже взвыл от восторга.

Красная Шапочка была толковая и рассудительная девочка. Она рассказала им, что только сегодня днем прибыла в ларек. А раньше она жила в игрушечном магазине.

Там было много Красных Шапочек. Все они были пришиты к толстому листу картона и стояли на прилавке. Поэтому они слышали все, о чем говорили покупатели.

И вот сегодня утром в магазин пришли гражданка в белом берете и черненький курносый мальчик. Они выбирали игрушки для детской площадки при том доме, где жили. Они купили мячики, скакалки и крокет.

Вдруг гражданка сказала:

— Смотри, Костя, какие хорошенькие Красные Шапочки! Нужно взять парочку!

А мальчик ответил:

— Хорошенькие, да не очень! Та куколка, которую я нашел на набережной, гораздо лучше. У нее голубые волосы, и она умеет петь и танцевать. Приходи к нам во Дворец пионеров — увидишь, какая она! Мы зовем ее Мальвина, потому что точно такая кукла описана в сказке «Золотой ключик».

А гражданка ответила:

— Обязательно приду посмотреть вашу Мальвину! Но эти Красные Шапочки тоже очень хороши!

И она купила себе две штуки. А потом они ушли. Красным Шапочкам тоже захотелось посмотреть Мальвину, и они целый день болтали между собой об этом. Вот и все!

— А где это Дворец пионеров? — спросил Буратино.

— Недалеко! — сказал слон. — Когда бабушка Дуня несла меня из магазина — это было позавчера, — какая-то гражданка в клетчатом картузе спросила ее, где Дворец пионеров. Бабушка Дуня от-

ветила: «А вот он!» — и показала на большой дом за чугунной оградой. Потом мы прошли еще несколько домов, свернули за угол и пришли на рынок. Это два шага отсюда!

— Пойдем во Дворец пионеров! Пойдем сейчас! — крикнул Пьеро и схватил Буратино за руку. А пудель вскочил на ноги и стал царапать ставни. Так ему захотелось к Мальвине!

— Нет, друзья, вы отсюда не выйдете! — сказал слон. — Ставни крепко закрыты, и открыть замок можно только снаружи! Подождите до утра!

И вдруг все услышали, как снаружи загремел замок. Кто-то старался его открыть, кто-то дергал стальные колечки.

— Слышишь, открывают! — обрадовался Пьеро. — Бежим сейчас во Дворец пионеров!

— погоди! — сказал Буратино. — Нужно узнать сначала, кто это открывает!

Он подошел на цыпочках к ставню и приложил глаз к щели. И тотчас же отскочил, замахал руками и прошептал:

— Это лиса, лиса Алиса! Она пришла за нами.

Пьеро побледнел, а пудель ошетинился и зарычал.

Игрушки закричали от страха. Ведь Буратино только что сказал им, какая злодейка эта лиса! И вот она тут, близехонько, за доской ставня! Вдруг она влезет сюда?

— Спокойно! — сказал слон. — Потушите свет! Все по местам. Враг стоит на пороге.

Свечи и фонари сразу погасли. В ларьке стало тихо и темно. И еще яснее послышалось, как лиса лязгала зубами по железу, дергала замок, грызла дерево ставня. Страшно было слушать это в темноте!

Пьеро и Буратино прижались к пуделю. А он весь дрожал. И вдруг он не выдержал да как зарычит, да как залает! Всех оглушил.

— Молчать! — сказал слон и топнул ногой. — Рта не раскрывать без моей команды!

Пудель смутился и замолчал. И все услышали в темноте злобный смешок. Лиса скребла ставень и приговаривала:

— Теперь не уйдете! Не уйдете от меня, глупые мальчишки! Уже ночь, все спят, никто вам не поможет. А вашему пуделю я глотку прокушу!

Она стала трясти и ломать ставень изо всех сил. И вот ставень поддался... Один его край отошел от прилавка... В щель просунулась рыжая когтистая лапа, и совсем близко защелкали лисьи зубы... Сейчас ставень отлетит...

— Свисток! — скомандовал слон.

Тут все паровозики в ларьке свистнули в один голос. Да так свистнули, что под сводами рынка все загудело!

Лиса только хихикнула в ответ и продолжала ломать ставень. Но вдруг по каменным плитам раздались звонкие шаги, кто-то пробежал мимо, вернулся и сказал:

— Где же это свистели?

Куклы увидели в щель — это был сторож, в овчинном тулупе, с большой палкой в руках. Он постоял немножко, а потом сел на каменный приступок возле какого-то магазина и положил палку рядом с собой. А лисы и след простыл! Завидев сторожа, она опрометью убежала из рынка. Рада была, что ноги унесла!

— Она не вернется! — сказал слон. — Сторож всю ночь будет неподалеку. Жаль мне, что он не поймал злодейку! Ну, ничего, она еще попадется. У нас вора́м спуска не дают! А теперь, дорогие гости, всем пора спать. Спите спокойно, уж поздно!

Буратино и Пьеро пожелали всем спокойной ночи, улеглись на прилавке рядом с Артемоном и крепко заснули.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

о том, как бабушка Дуня проучила богатого барина

Мальчики проснулись только утром, когда бабушка Дуня сняла ставни с ларька.

Бабушка Дуня очень удивилась, увидев Артемона на прилавке.

— Ах ты, лукавый пес! И как я тебя вчера не заметила! Вот погляжу я, что ты тут натворил ночью! Тогда попадет тебе!

Но Артемон не натворил ничего худого. В ларьке все было в порядке, как будто бабушка Дуня и не уходила домой. Куклы сидели за чайным столиком. Игрушки лежали на своих местах. Свечки были целехоньки, и даже комнатный фейерверк, сгоревший вчера,

сегодня был как новенький! Будто он не трещал ночью и не сыпал золотые звезды.

Только один ставень криво висел на петле, замок был весь ищарапан, а колечки расшатаны. Бабушка Дуня сразу заметила это и даже побледнела.

— Неужто воры пытались взломать замок? Хорошо, что им не удалось! Уж не ты ли, пес, их напугал? Вот молодчина, спасибо тебе!

Артемон вилял хвостом и смотрел в глаза бабушке Дуне, словно он и в самом деле спас ларек от воров. Бабушка Дуня погладила его и дала ему ломтик колбасы из своего завтрака. Он улегся за прилавком у ее ног.

Бабушка Дуня достала маленькие гвоздики, клей, бумагу, тонкую веревочку и принялась чинить самолет.

Прохожие сновали мимо — кто спешил на службу, кто торопился по своим делам. Покупателей пока не было.

Вдруг под сводами рынка появился толстый нарядный гражданин в гороховом костюме, в таких широких штанах, будто на каждой ноге у него была надета юбка. На затылке у него торчала шляпа с перышком, а через плечо висела блестящая желтая сумка с серебряными буквами К. Б. О. Б.

Он шествовал, заложив руки за спину, и посматривал вокруг так важно, будто ждал, что сейчас купчики выглянут из своих лавок, станут кланяться в пояс и зазывать его к себе.

«Вот так ферт! — подумала бабушка Дуня. — Видно, барин из прежних!»

А «барин» подошел к ее ларьку, стал, расставив ноги, и принялся глазеть на игрушки. Глаза у него были выпуклые и злые-презлые, рот — как щель у почтового ящика, а нос лиловый!

«Ну и рожал!» — подумала бабушка Дуня, но вслух ничего не сказала: она была очень воспитанная.

А мальчики переглянулись — держи ухо востро и не жди добра от этого «барина»! Что понадобилось такому франту в игрушечном ларьке?

Вдруг «барин» снял свою шляпочку, поклонился и сказал:

— Мое почтение, госпожа купчиха!

Бабушка Дуня удивилась — что это он говорит? — но ничего не ответила. Тогда он шагнул к прилавку и крикнул ей прямо в ухо:

— Оглохли вы, что ли? Я с вами говорю!

Бабушка Дуня даже вздрогнула и руками всплеснула.

— Это я — госпожа? Это я — купчиха? Да вы с какой стати ругаетесь, гражданин?

— А кто же вы такая, если не купчиха?

— Кто я такая? Я работник прилавка, не видите, что ли? Я не жульничаю, не обманываю народ, не набиваю себе карманы, как прежние купцы! Я получаю зарплату, а выручку сдаю государству. А оскорблять меня вы права не имеете!

Покраснела бабушка Дуня, седые волосы у нее растрепались, — вот как она рассердилась! «Барин» опешил, попятился и, глядя на нее, разинул рот. Мальчики думали: так ему и надо, противному франту!

— Ишь что вспомнили! — продолжала бабушка. — У нас ни купцов, ни господ и в помине нет! Будь они неладны!

— Ну, извините меня, я не знал... — пробормотал «барин», вертя в руках свою шляпочку. — Я только хотел купить у вас игрушки!

Если человек извиняется, как его не простить?

Бабушка Дуня пожала плечами и сказала:

— Покупайте, если хотите! Никто вам не запрещает! — А сама занялась починкой самолетика.

«Барин» опять поглядел на нее, будто он никогда таких продавцов не видел, и повернулся к игрушкам. Вдруг глаза у него сверкнули, он подался вперед, рука дернулась к прилавку...

И тотчас же Буратино грохнулся навзничь вместе со своим стулом, а Пьеро повалился набок и так стукнулся головой об стол, что самоварчик подпрыгнул. И тотчас же из-под прилавка выглянула черная собачья морда с горящими глазами и зарычала.

Они узнали Карабаса, хоть он был без бороды!

— Осторожнее, гражданин! Какой вы неловкий! — сказала бабушка Дуня, подняла кукол и усадила их по-прежнему. А пуделя погладила по голове, чтоб успокоился.

«Барин» покраснел и задохнулся от волнения.

— Я куплю этих кукол! Берите за них, сколько хотите! Только дайте их мне поскорее!

Тут у Буратино душа ушла в пятки, а Пьеро весь помертвел. А ну как бабушка Дуня продаст их Карабасу? Тогда конец!

— Эти куклы не продаются,— ответила бабушка Дуня и оправила на Пьеро разорванный воротничок.

— Это почему же? — прохрипел «барин».

Бабушка объяснила ему, что она торгует игрушками, которые получает из магазина по накладной. Вон их сколько! И матрешки, и ваньки-встаньки, и Красные Шапочки! Выбирайте любую! А этих мальчиков ей принесла одна пионерка в починку. Они только гостят в ларьке. Их нельзя продать.

Мальчики чуть не запрыгали от радости: они спасены! Но Карабас даже не слушал бабушку. Он раскрыл свою желтую сумку и сказал:

— Ладно, довольно разговаривать! Я дам вам сто червонцев, заверните мне кукол в бумагу и перевяжите их веревочкой!

Он бросил на прилавок горсть золотых монет и опять потянулся к куклам.

— Ну, пропали,— прошептал Буратино.— Теперь она нас продаст!

А Пьеро ничего не сказал, он просто онемел от страха. Зато пудель не молчал и не сидел спокойно. Он поднял такой лай, что прохожие останавливались.

— Цыц ты! — сказала бабушка.— А вы, гражданин, не дразните собаку и не трогайте кукол! Сказано вам — они не продаются.

— Да я у тебя весь товар куплю! Все, что есть в ларьке! Только отдай мне этих мальчишек! — заорал Карабас.

Но бабушка Дуня усмехнулась.

— Зачем это вам весь товар? Для спекуляции, что ли?

— Не твое дело! Захочу — все куплю, что пожелаю! И тебя куплю вместе с твоими дурацкими игрушками! Узнаешь тогда, кто я такой!

— Ну уж нет! — ответила бабушка Дуня.— Кто вы ни на есть, хоть самый большой богач на свете, а меня не купите! Да у нас таким крикунам вообще ничего не продают!

Она сняла с полки плакат и показала его Карабасу.

— Видите, что тут написано? «Требуя вежливости от продавца, сам будь вежлив с ним!» А вы кричите, ругаетесь, топаєте ногами! Да я с вами и разговаривать не стану! Позову милиционера — и дело с концом!

Тут Карабас вздрогнул, спрятал голову в плечи, а глаза у него

забегали в разные стороны. Уж очень ему не хотелось опять встречаться с милиционером!

— Уберите ваши червонцы! Нечего им здесь валяться,— сказала бабушка Дуня. Она сняла с полки несколько масок и посадила их на место Буратино и Пьеро — подальше от покупателя. И стала укладывать маски в коробку. «Барин» собирал червонцы с прилавка и злобно ворчал что-то себе под нос. Вдруг бабушка Дуня усмехнулась и сказала:

— Есть у меня одна подходящая вещичка для вас! Не хотите ли, я вам ее подарю?

— Что? Что подаришь? — восторженно «барин» и сунул голову в ларек.

Бабушка Дуня держала в руках ослиную маску. И едва Карабас нагнулся, чтобы ее рассмотреть, маска вырвалась из рук бабушки и — шлеп! — сама наделась на рожу Карабасу.

— Ох! — вскрикнул Карабас и хотел сдернуть маску, но она прилипла к голове плотно, на тугой резинке — не оторвать!

Тут все маски в ларьке заулыбались беззубыми ртами. Бабушка Дуня тоже рассмеялась.

— Каков Савва, такова о нем слава! Ну, давайте я ее с вас сниму!

Но Карабас уже ничего не видел и ничего не понимал. Он заревел благим матом и, пошатываясь, пошел от ларька. Ослиные уши качались у него над головой. Прохожие шарахались в стороны и смеялись.

Но вот из-за угла выскочила маленькая барышня в клетчатом картузе, встала на цыпочки и сняла с «барина» маску. Потом они пошли под ручку прочь с рынка. Ноги у «барина» подкашивались, а голова моталась от плеча к плечу, как мячик.

— Вишь как раскис! — сказала бабушка Дуня, глядя им вслед. — От пустяка раскис! А как важничал, как петушился! Эх, барин, барин!

Тут Буратино и Пьеро не выдержали. Они спрыгнули с полки прямо в руки бабушке Дуне и заговорили наперебой:

— Бабушка, это не «барин»! Это страшный злодей и богач Карабас! Директор кукольного театра!

— Ты видела у него на сумочке буквы К. Б. О. Б.? Это значит: Карабас-Барабас Огромная Борода.

— Барин он или не барин,— ответила бабушка,— а замашки у него настоящие барские! «Все куплю.. узнаешь, кто я такой...» Подумаешь, невидаль! Тьфу!

Тут мальчишки принялись обнимать и целовать бабушку Дуню, а пудель лизнул ее в подбородок.

— Какая ты хорошая, что не продала нас Карабасу! — сказал Буратино.

— Я сочинил тебе стишки,— сказал Пьеро.— Послушай, пожалуйста!

Карабас нас покупал,
Сто червонцев предлагал,
А ларечник-инвалид
Карабасу говорит:
«Убери казну свою,—
Я гостей не продаю!»

Бабушка Дуня смеялась так, что у нее слезы текли по щекам.

— Ну и шутники вы оба! Да на что мне его червонцы? Дорогу мостить, что ли?

Она достала иголку с ниткой и пришила Пьеро оторванный воротник. А потом взяла кусочек черной клеенки и выкроила Буратино новый башмачок. Так они сидели в ларьке, шутили и смеялись. А пудель глядел на них веселыми глазами и вилял хвостом.

Тем временем Карабас и лиса шли домой и бранились.

— Каков Савва, такова о нем слава! Хорошая поговорка! — ворчала лиса. — Как раз к вам подходит! Вы уже теперь не Карабас-Барабас Огромная Борода, а Карабас-Барабас Ослиная Голова! Переделайте одну букву на вашей сумочке!

— Дура! — злился Карабас. — Это ты подучила меня обрезать бороду! Это ты послала меня к ларечнице! Сама говорила: сначала будьте с ней полюбезнее, потом предложите ей золото, а потом припугните — и куклы будут наши! Вот и вышло черт знает что! Хороша советчица!

— А зачем вы называли ее «госпожой купчихой»? Зачем кричали: «Все куплю... все возьму»? Этого я вам не советовала! Вы сущий осел!

— Эй, замолчи! — рычал Карабас. — Я твой хозяин!

— Пропадешь с таким хозяином!

Так, переругиваясь, они добрались до квартирки Марьи Ивановны. На лестнице было темновато. Карабас споткнулся о какие-то ящики перед самой дверью!

— Смотрите, куда ступаете, ослиное копыто! — зашипела на него лиса.

Она сунула ключик в скважину и толкнула дверь.

Дверь открылась, да не совсем: она была заперта изнутри на цепочку.

— Кто это запер? — ахнула лиса, и шерсть зашевелилась у нее на спине.

Она снова толкнула дверь, но стальная цепочка держалась крепко. Тут в прихожей послышались шаги. В щель выглянул загорелый мальчик в пионерском галстуке. Он посмотрел на пришельцев светлыми глазами и, обернувшись назад, крикнул:

— Бабушка! Вот они пришли! Открыть цепочку?

— Не открывай, не открывай, Миша! И ступай ты от дверей подалее! Я с ними поговорю!

Тут в прихожую выбежала сама Марья Ивановна. Нос у нее был красный, а глаза заплаканные. В руках она держала маятник от часов и грязную тряпочку. Лиса, как увидела ее, принялась кланяться и улыбаться в щель.

— Добрый день, Марья Ивановна! Как поживаете, Марья Ивановна?

Но Марья Ивановна поглядела на нее грустно и строго и сказала:

— Я вам доверила, а вы меня обманули! Возьмите ваши чемоданы, я выставила их на площадку, и ступайте отсюда прочь.

— Да что вы, Марья Ивановна? Да как же? — заюлила лиса. — Мы каждый день заводили ваши часики, а если они сломались, мы их починим! Пустите нас к себе!

— Нет, не пущу, — ответила Марья Ивановна. — Нам обманщиков не нужно! Миша прочел мне сказку «Буратино, или Золотой ключик», и я знаю теперь, кто вы такие! Ступайте прочь!

Тут она захлопнула дверь и заложила щеколду.

— Куда ж мы теперь пойдем? — прошептала лиса.

Карабас не ответил. Он сидел на своем чемодане, уставив в потемки стекленевшие глаза. Ведь он только что споткнулся об этот чемодан и думал, это какой-то ящик!

— Слушайте! — сказала лиса. — Нечего нюни распускать! Я знаю, где Мальвина! Изловим ее и улетим сегодня ночью в Тарабарскую страну! Вставайте!

Она заставила его встать, схватила свой саквояжик, и они стали спускаться по лестнице.

Навстречу им, выгнув спину и сердито фыркая, пробежала черная кошка. Она поднялась к двери Марьи Ивановны и сказала:

— Мяю!

И тотчас дверь отворилась и ласковый голос сказал:

— Это ты, Мусенька? Входи, входи, родная...

А Карабасу и лисе туда входу не было!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

о том, что случилось в голубой комнате

Бабушка Дуня починила самолетик. Отломанное крыло приклеилось так чистенько, будто оно никогда не отламывалось. Хоть сейчас лети в Тарабарскую страну. Да как же лететь, если нет Мальвины и нет счастья для папы Карло?

Мальчикам не терпелось поскорей пуститься на поиски, но бабушка Дуня сказала:

— Сидите смирно, а то вас Карабас заберет! Вот придет Майя, тогда нагуляетесь. А без Майи я никуда вас не отпускаю.

Они сидели, протянув ножки, между ватным кроликом и картонным барабаном и очень скучали. Школьники, пионеры и маленькие дети со своими мамами подходили к ларьку, выбирали себе игры, игрушки, картинки и опять уходили. А Майи все не было.

Завечерело. Уже приближалось время закрывать рынок. И вот примчалась Майя. Да не одна, а с двумя мальчиками в пионерских галстуках. Один был черненький, курносый, по имени Костя, другой загорелый и светлоглазый, его звали Миша. Они прибежали, чтобы взять кукол и отнести их во Дворец пионеров. Там их никакой Карабас не достанет. И пуделя нужно отдать туда же. Ведь это не простой пес!

Майя взяла на руки Буратино, Костя — Пьеро, а Миша подхватил самолетик, позвал собаку, и они пошли.

— Осторожней переходите улицу! — крикнула им вслед бабушка Дуня.

Дворец пионеров был когда-то царским дворцом. Когда-то, давным-давно, он был самым большим и великолепным домом в городе. Его окна ярко светились. Хрустальные люстры сияли, как солнце. В раззолоченных покоях разгуливали гордые князья, важные вельможи и чопорные дамы.

А кругом были непроглядная темень и непролазная грязь. И убогие домишки, где жили простые люди.

Все это было и прошло.

В городе много домов выше и просторнее, чем этот дворец. Они залиты ярким электрическим светом. И улицы залиты электрическим светом. Дворец никого не удивит своей роскошью и своими огнями. А теперешние хозяева дворца совсем не похожи на прежних. Они простые и веселые. Они выдумщики и забавники. Одни играют на скрипках, другие — на роялях, третьи танцуют, четвертые рисуют... И все учатся, растут и, надо думать, умнеют с каждым днем!

Вы их, конечно, знаете. Это ленинградские пионеры.

Когда Майя и ее спутники вбежали во дворец, у кукол головы пошли кругом, а пудель даже заробел.

Стены блестят, колонны поднимаются ввысь, белая лестница ведет кверху. А по лестнице снуют пионеры — множество пионеров.

Гомон стоит такой, что дворец гудит. Вдруг раздался звонок, и все пионеры ринулись наверх.

— На спевку,— кричат.— Идемте на спевку! — и бегут по ступенькам.

— Ой! — вскрикнула Майя.— И нам нужно на спевку!

— Идем! — сказали Миша и Костя.

Быстренько забежали они в комнату игр, положили самолетик на стол, а кукол — в кресло и, сказав: «Тут вас никто не тронет!» — умчались.

Пудель остался с куклами.

Буратино и Пьеро выпрямились в кресле и таращили глаза, глядя вокруг. Вот так комната! Не комната, а волшебное морское дно. Кресла и столы — из больших серебряных раковин. Кругом серые камни, ноздреватые скалы. Над ними колышется зеленая листва. А внизу блестит вода в аквариумах. Там плавают золотые рыбки. На полу сидят голубые фаянсовые лягушки. И свет в этой комнате голубой, мягкий, ни дать ни взять — лунный свет.

— Тебе нравится, Пьеро? — шепнул Буратино.

Пьеро только вздохнул.

— Как во сне!

И оба они подумали: «Вот если бы Мальвина и папа Карло были с нами!»

— Пойдем поищем Мальвину, — сказал Буратино и спрыгнул с кресла. За ним — Пьеро. Они взялись за руки и пошли. Артемон двинулся за ними.

Тени растений колебались по стенам. В аквариумах вспыхивали голубые искры. Где-то в далекой комнате играла скрипка, а поближе за дверью негромко стучал молоток. Кто-то вбивал маленькие гвоздики.

Мальчики подошли к двери и выглянули.

— Не уходите! — сказал хриплый голос у них за спиной.

Они оглянулись.

Голубая лягушка сидела у двери и приветливо глядела на них.

— Не уходите! — повторила она. — Мальвина придет сюда кормить золотых рыбок! Тсс... Слышите?

В коридоре скрипнула дверь и послышались легкие шаги. Все рыбки в аквариумах засуетились, засверкали золотыми чешуйками. На пороге появилась девочка в розовом платье. У нее были голубые волосы. Она бережно несла большой бумажный фунтик.

— Мальвина! — крикнули мальчики и бросились к ней. А пудель чуть не сбил свою хозяйку с ног.

— Ах! — вскрикнула Мальвина, роняя фунтик. — Наконец-то! Наконец-то вы приехали!

Она целовала мальчиков и пуделя и смеялась от радости. Голубая лягушка улыбалась во весь рот, глядя на них. Вдруг Мальвина всплеснула руками и оттолкнула всех.

— Что я наделала? Ах, что я наделала!

Бумажный фунтик лежал на полу разорванный. Из него выпала кучка желтоватых крошек. Мальчики и пудель топтали эту кучу.

— Отойдите! — закричала Мальвина. — Это рыбий корм! Бедные мои рыбки! — Она заплакала и стала сгребать крошки на бумагу.

Рыбы замерли в аквариумах, чуть-чуть шевеля плавниками, и обиженно глядели на нее сквозь стекло.

— Это все вы виноваты, мальчики! — сказала Мальвина.

Мальчики обиделись.

— Подумаешь, беда! — сказал Буратино. — У нас папа Карло лежит больной, а ты возишься с рыбами!

— Бессердечная девчонка! — прошептал Пьеро. — Ты небось не достала счастья для папы Карло.

— Достала! — сказала Мальвина, собрав последние крошки и крепко завертывая фунтик.

— Врешь! — заорали оба мальчика.

Мальвина подошла к двери и крикнула в коридор:

— Папа Карло! Папа Карло, иди сюда! Наши мальчики приехали!

И тотчас же скрипнула другая дверь, кто-то быстро прошел по коридору, кто-то заглянул в голубую комнату.

Это был папа Карло, живой папа Карло в новой бархатной куртке, с молотком в одной руке и с гвоздиками в другой.

— Где они, мои милые? Дайте на них взглянуть! — крикнул он.

Мальчики без памяти бросились к нему на шею, гладили его седые волосы, целовали морщинистые щеки. А пудель скакал вокруг, скулил от нежности и умудрился лизнуть папу Карло в левую бровь.

Мальвина смеялась и хлопала в ладоши, присев на спину голубой лягушке. А сама лягушка плакала от умиления.

Наконец папа Карло уселся в кресло из серебряных раковин и посадил Буратино и Пьеро к себе на колени. Пока Мальвина кормила своих рыбок, Карло рассказал мальчикам, как он здесь очутился.

Оказалось, Костя принес Мальвину прямо в кукольную мастерскую Дворца пионеров. Там за большим столом сидели дети и учились делать кукол для театра.

Костя поставил Мальвину на стол. Она протянула вперед ручки и пропела:

Тяжело и грустно мне:
Счастья нет в моей стране.
Папа Карло, мой родной,
Уж давно лежит больной.

Пионеры удивились: что за чудесная кукла? И какой искусный мастер сумел такую сделать? Они стали осторожно разглядывать

Мальвину со всех сторон, и вот на подошве ее левого башмачка они усмотрели маленькую медную дощечку. На дощечке было что-то написано, тоненько, как иголкой. Они принесли большое увеличительное стекло из физического кабинета и разобрали надпись. А в надписи говорилось, что эту куклу сделал кукольник Карло, который живет там-то, в Тарабарской стране.

Эту дощечку Карло набил на башмачок Мальвины, когда был еще здоров.

Тут пионеры устроили собрание и решили пригласить Карло в свой дворец.

— Пускай он научит наших ребят делать таких же чудесных кукол!

Пионеры послали за папой Карло свой волшебный самолет, пестрый, блестящий, красивый, как жар-птица. Небо блестело, когда он полетел по воздуху,— так ярко горела на его крыльях золотая надпись «Сказка».

Раскинув радужные крылья, испуская ослепительный свет, самолет кружился над домишками Тарабарской страны. Он разыскивал чердак папы Карло.

Тарабарские жители выползали из своих нор, глазели на чудесное зарево, и каждому верилось, что где-то на свете есть счастье.

Самолет подлетел к окошку папы Карло и осветил убогую каморку розовым светом. Летчик высунулся из кабины и сказал:

— Садитесь, гражданин! Я отвезу вас в Ленинград.

Папа Карло захватил свои инструменты и взобрался в самолет. А через час они снизились на крыше Дворца пионеров.

Тут Карло встретил Мальвину. Вот они обрадовались друг другу! Они живут теперь во дворце, в комнате под самой крышей. Ведь Карло любит, чтобы из окошка было далеко видно... Он устроил во дворце маленький театр и учит пионеров делать чудесных деревянных актеров.

— Пойдемте, я покажу вам наш театр! — сказал Карло и повел кукол в зрительный зал.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

о том, что случилось во время кукольного представления

Иловый кукольный театр блестел, как елочная игрушка. По сторонам — пестрые ширмы, посередине — сцена, а над ней малиновый занавес с серебряной бахромой. Кругом — цветные фонарики и портреты Буратино и его друзей в зеленых венках.

Перед сценой были устроены две маленькие ложи с бархатными креслицами.

— Это ложи для гостей! — сказал Карло.

Он усадил кукол в одну ложу, а пуделя — в другую. Артемон еле уместился в ней со своим хвостом. Зато как важно сидел он потом, положив лапы в мохнатых манжетках на бархатный барьер! Сидел и озирал все вокруг.

— Посидите здесь! — сказал Карло. — А мне пора начинать представление! Видите, зрители уже собираются!

Он ушел за ширмы.

В зал с веселым шумом собирались пионеры.

Маленькие садились поближе, большие — подальше. Все любовались куклами, сидевшими в ложе, и спорили, живой это пес сидит против них или сделанный.

Раздался звонок. В зал вбежали опоздавшие — Майя, Костя и Миша. Они поскорей уселись на свободные места. И вот стало совсем темно. Только сцена осветилась изнутри ярким светом. Заиграла музыка. Малиновый занавес раздвинулся.

Едва наши друзья услышали музыку и увидели, как серебряная бахрома змеей ползет по полу, им так захотелось на сцену, так захотелось — просто невмочь! Подумать только, как давно они ничего не представляли! В Тарабарской стране это было им запрещено, а потом начались приключения... Где уж тут было представлять? Ах, выбежать бы сейчас на сцену, увидеть множество глаз, глядящих из темного зала, танцевать под музыку старой шарманки и петь о том, как радостно и как печально живется на свете! Чтобы все слышали. Буратино схватил Пьеро за руку.

— Ты помнишь, Пьеро?

Тот только посмотрел на него большими от слез глазами.

— Спокойней, мальчики! — шепнула Мальвина. — Придет и ваша очередь.

На сцене зазвенели колокольчики, и одна за другой появились такие куклы, каких наши друзья никогда не видывали. Это был парад игрушек, сделанных учениками папы Карло. Тут были саами и узбеки, грузины и татары, украинцы и белорусы и еще много кукол — все в пестрых нарядных костюмах. Одни приехали на оленях, другие — на верблюдах, третьи — на автомобилях, а четвертые прилетели на самолетах.

И вот на земле стали вырастать невиданные прекрасные цветы — голубые, розовые, оранжевые. Сверху на них посыпались золотые звездочки. Сияющий туман закрыл сцену. Тогда выступили вперед мальчики и девочки в русских костюмах и приготовились плясать. Наши друзья так и впились в них глазами. Вдруг кто-то из зрителей задвигался на своем стуле и громко сказал:

— Дяденька, отойди!

А другой прибавил:

— Из-за тебя не видно! Ты не прозрачный!

А третий крикнул:

— Не маленький небось, а не понимаешь.

В зале поднялся шум. Наши друзья оглянулись и замерли на месте.

Рядом с ними, перед самой сценой, стоял Карабас в своем новом костюме, с чемоданом в руке. Стоял огромный, противный и ухмылялся своим страшным ртом!

Вот он протянул свою волосатую лапу к Мальвине...

— Р-р-р! Гав, гав, гав! — сорвался из своей ложи Артемон. Зрители повскакали с мест. Майя бросилась к Карабасу.

— Не трогайте кукол, гражданин!

Но Карабас отпихнул Артемона сапогом, оттолкнул Майю и опять протянул руку к Мальвине...

— Не давайте, не давайте ему кукол! — закричала Майя и повисла у него на локте. Пионеры плотно окружили его, заслоняя собой сцену.

— Что вам нужно, гражданин?

Но Карабас только усмехнулся:

— Подите прочь, детишки! Я пришел за своим добром. Это мои куклы!

Пионеры смутились. Может быть, это в самом деле его куклы? Таких кукол еще не было во дворце.

Но Майя растопырила руки, защищая своих друзей, и сказала:

— Ах, не верьте, не верьте ему! Не давайте ему кукол, пожалуйста! Он вас обманывает. Ведь это Карабас из сказки «Золотой ключик», я его узнала по голосу!

Карабас расхохотался во всю глотку:

— Да ничего подобного! Я совсем не Карабас. У Карабаса большая борода, он так и зовется: Карабас-Барабас Огромная Борода. А у меня никакой бороды нет. Хе-хе-хе!

Он погладил себя по жирному подбородку, шагнул вперед, схватил Пьеро за край белого балахончика и потащил к себе... Но тут к нему подскочил Миша и сказал:

— А вы все-таки Карабас. Когда вы снимали квартиру у моей бабушки, вы были с бородой. Она мне рассказывала. А сегодня вы пришли к ней без бороды, я сам видел. Вы просто обрезали свою бороду!

Тут Миша и Костя стали рядом с Майей и выставили вперед кулаки.

Карабас посмотрел на них злыми глазами, нагнул голову, как бык, и вдруг размахнулся и ударил Мишу. Мальчик повалился на Майю, Майя на Костю, а Костя еле удержался на ногах, ухватившись за край сцены.

— Эй, держите его! Он с ума сошел! — закричали пионеры и бросились на Карабаса. Но он рванулся так, что они посыпались в стороны, и заорал:

— Я вас в бараний рог согну! Я ваших кукол в порошок сотру! Узнаете, кто я такой!

Раз — он оборвал малиновый занавес, два — он стукнул сапожиком по маленькой ложе, и она разлетелась в щепы, три — он сгребастал лапами Мальвину, Буратино и Пьеро и сжал так, что все их косточки затрещали.

И вдруг стало совсем темно. Послышался свисток, такой пронзительный, такой жуткий, что у всех мороз пошел по коже... Потом глухо забил барабан. Откуда-то появился тонкий светлый луч прожектора, пошарил в темноте, нашел Карабаса и ярко осветил его...

— Что это? — спросил Карабас. Волосы зашевелились у него на голове. Руки задрожали. Он выронил кукол...

А грозная музыка стала громче, сильнее. Как будто в темноте приближалось невидимое, могучее войско. И вот на сцену выполз тяжелый, закованный в броню танк. А из-за кулис высунулись дула пулеметов.

Танк медленно повернул башню и нацелил пушки прямо на Карабаса. И дула пулеметов направились на Карабаса. Снова раздался пронзительный свист, и со всех сторон взметнулись, зареяли, засверкали крыльями маленькие самолеты и ринулись тучей на Карабаса...

— Мне страшно! Мне страшно! — завопил Карабас и рухнул на колени с таким громом, что весь зал вздрогнул.

— Эй, зажгите свет! Кто у вас тут безобразничает? — сказал из темноты звонкий голос.

Зал осветился. Над Карабасом стоял милиционер — такой простой, такой добродушный, что каждому показалось, — он с ним век знаком.

А Карабас валялся на полу и выл от страха.

— Встаньте, гражданин! — сказал милиционер и потрогал его за плечо. — Батюшки, да это опять Карабас! Что он тут у вас натворил?

— Он хотел забрать наших кукол, а мы их не отдали, — сказала Майя. — Тогда он стал ломать театрик, а наш кукольник выпустил на сцену танк и напугал его. Он теперь от страха ревет. Он ведь только маленьких не боится!

— Помилуйте! Пощадите меня! — вопил Карабас, закрыв лицо руками.

— Эй, гражданин, — сказал милиционер. — Довольно выть. Вставайте и пойдемте со мной в милицию. Я прочел сказку «Бура-тино, или Золотой ключик» и знаю теперь, кто вы такой. Здесь таким безобразникам не место! Верно я говорю, ребята?

— Верно, верно! — закричали пионеры и затопали ногами.

Милиционер заставил Карабаса встать и повел его к выходу. А тот хныкал и утирал глаза кулаком.

Вдруг в коридоре послышался громкий лай, дверь с треском

распахнулась, и в зал опрометью вбежала маленькая гражданка в клетчатом картузе. За ней по пятам гналась большая серая овчарка.

Вот она настигла гражданку в проходе, опрокинула ее и прижала зубами лиловую косынку на ее шее...

— На помощь! — закричали пионеры и бросились к ним.

Милиционер выхватил револьвер.

— Отойдите, дети! Может быть, собака бешеная!

— Нет, не бешеная! — сказал кто-то совсем спокойно. В дверях зала стоял доктор Николай Иванович, держа в одной руке собачью сворку, а в другой — обломки серебряного самолета.

— А, доктор! — сказал милиционер. — Опять вы пустили эту собаку без намордника! Мало я вас штрафовал? Уберите ее скорее, а то она загрызет гражданку!

— Друг! — крикнул Николай Иванович. — Поди сюда!

Друг отпустил свою добычу и подбежал к хозяину, весело виляя хвостом. Пионеры помогли гражданке встать на ноги.

— Мы с Другом, — сказал доктор, — застали эту гражданку на том, что она ломала на куски вот этот хорошенький самолетик. — Он показал серебряные обломки. — Я не хотел причинить ей вреда, но, знаете, овчарку в таких случаях не удержишь. Взгляните!

Он подошел к гражданке и кончиком пальца дотронулся до ее розового ушка. Тогда розовое личико упало на пол с легким стуком, а вместо него выглянула рыжая шерстистая морда с черным носом и злыми, блестящими глазами.

— Лиса! — ахнули все в один голос.

— Да, лиса! — сказал Николай Иванович. — Верная сообщница Карабаса. Я прочел сказку «Буратино, или Золотой ключик» и теперь знаю, кто такие они оба. Отведите их в милицию, товарищ милиционер! Друг вас проводит, чтобы они не улизнули.

— Ну и дела! — сказал милиционер и подтянул свой пояс. — Пойдемте, граждане!

Он вышел в дверь, за ним понуро плелся Карабас. Лиса ковыляла, пряча морду в лиловую косынку. А позади гордо выступал Друг — уши торчком, хвост как знамя.

Дверь захлопнулась, и всем в зале стало весело.

Карло вышел из-за ширмы и уселся на краю сцены. Мальвина, Буратино и Пьеро взобрались к нему на колени, пудель примостился у ног. Их окружали пионеры.

— Папа Карло, расскажите про Карабаса! Зачем он сюда явился? Что ему было нужно? — просили они.

Карло начал рассказывать свои приключения. Но едва он сказал о том, как тарабарские врачи отказались его лечить, поднялся страшный шум.

— Вот негодяи! Вот безобразники! Попались бы они нам, уж мы бы их проучили!

А доктор Николай Иванович сказал:

— Послушайте, Карло, как вам не совестно! Почему вы не обратились ко мне за советом сразу же, когда приехали? Я каждый день бываю во дворце.

— Спасибо! — сказал Карло. — Только зачем я пойду к доктору, если у меня ничего не болит? Я совсем выздоровел.

Тут все захлопали в ладоши и закричали «ура». Пионеры решили, что Мальвина — самая хорошенькая, Пьеро — самый милый, а Буратино — самый забавный из всех деревянных актеров! А пу-

дель Артемон — самый симпатичный из всех пуделей! А папа Карло — самый замечательный из всех кукольников на свете!

Все наши друзья остались жить во Дворце пионеров! А Карабас и лиса улетели в свою Тарабарскую страну, чтобы никогда больше к нам не возвращаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, *самая коротенькая*

Вот что рассказывал мне папа Карло и вот что я записал в тетрадку золотым перышком, пока куклы угощались яблоками и виноградом, а пудель Артемон посасывал косточку.

Я дописал последнее слово и поставил точку. Тут папа Карло подумал немножко и сказал:

— Припишите еще вот что, это самое главное: нам живется здесь весело и счастливо, потому что мы делаем наше любимое дело и знаем, что мы нужны людям. Это и есть счастье!

Тут послышался звонок. Папа Карло и куклы пошли на сцену, а я в зрительный зал. Там начиналось представление новой волшебной сказки.

Но о нем я расскажу в другой раз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая <i>о том, как черный пудель покупал бутерброды</i>	5
Глава вторая <i>о том, как читатель превратился в писателя</i>	9
Глава третья <i>о том, как папа Карло заболел и куклы искали доктора</i>	14
Глава четвертая <i>о том, что посоветовали Карло лесные доктора</i>	20
Глава пятая <i>о том, как мальчики искали счастья</i>	23
Глава шестая <i>о том, куда девалась Мальвина</i>	27
Глава седьмая <i>о том, что рассказала ласточка</i>	34
Глава восьмая <i>о том, что задумал Карабас, узнав, что куклы улетели</i>	40
Глава девятая <i>о том, как два странных путешественника искали приюта</i>	44
Глава десятая <i>о том, как пароход с детьми приплыл в Ленинград</i>	49
Глава одиннадцатая <i>о заботливых людях и о догадливой собаке</i>	54
Глава двенадцатая <i>о том, как Карабас сидел на крыше</i>	60
Глава тринадцатая <i>о смелых парашютистах и разумной пионерке</i>	66
Глава четырнадцатая <i>о том, как Карабас сражался с вещами</i>	73
Глава пятнадцатая <i>о том, чьи следы были на футбольном поле</i>	83
Глава шестнадцатая <i>о том, что случилось ночью в игрушечном ларьке</i>	89
Глава семнадцатая <i>о том, как бабушка Дуня проучила богатого барина</i>	101
Глава восемнадцатая <i>о том, что случилось в голубой комнате</i>	110
Глава девятнадцатая <i>о том, что случилось во время кукольного представления</i>	117
Глава двадцатая, <i>самая коротенькая</i>	126

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Елена Яковлевна Данико

ПОБЕЖДЕННЫЙ КАРАБАС

Редактор	М. В. ДОЛОТЦЕВА
Художественный редактор	М. В. ТАИРОВА
Технический редактор	Г. П. МАРТЬЯНОВА
Корректор	Н. М. АРСЕНИНА

ИБ № 5214

Сдано в набор 09.09.88. Подписано в печать 14.04.89. Формат 84×100/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,48. Усл. кр.-отт. 52,26. Уч.-изд. л. 8,54. Тираж 100 000 экз. Заказ 2365. Цена 1 р. 30 к. Изд. нид. ЛД-191. Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

« СОВЕТСКАЯ РОССИЯ »